

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Дарь
ВРАГА

АНЮТА ВАСИЛЬЕВА

Анюта Васильева

Дочь Врага

<https://litres.ru/74238424>

Аннотация

♥#Теперь и на бумаге!!! (ищите на маркетплейсах)

— Что тебе нужно от моей племянницы? — В каком смысле? Мы учимся вместе, и дружим. — Дочь уголовника учится на юридическом? Очень интересно. — кровь отхлынула от лица, потому что после услышанного я наконец-то узнала этого мужчину. — Это был несчастный случай. — теперь уже еле слышно лепечу. — Сегодня же найдёшь предлог, и свалишь из моего дома. И не смей ничего говорить Агате.

Я с самого начала знала, что согласится на предложения подруги пожить у неё, это не самая хорошая идея, но разве у меня был выбор?

_МЖМ_Очень страстно и
откровенно_Принуждение_Сильная героиня_Мужики
подонки._Нежным и ранимым просьба пройти мимо._ХЭ
гарантирован.

Содержание

Пролог	4
1 Глава	8
2 Глава	19
3 Глава	27
4 Глава	33
5 Глава	42
6 Глава	49
7 Глава	58
8 Глава	65
9 Глава	73
10 Глава	80
11 Глава	88
12 Глава	97
13 Глава	102
14 Глава	111
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Пролог

Пролог

— Мне глубоко плевать на то, чего ты там хочешь, цыпуша, — снова это дурацкое прозвище бьёт по нервам. От злости сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони, при этом едва не скриплю зубами.

Этот подонок замечает моё состояние и ухмыляется, лениво скрещивает руки на груди, будто наблюдает за забавным представлением.

— Я тебе больше скажу. За нарушения правил декан не просто будет снят со своей должности, он больше преподавать не сможет. Простым дворником не устроится. Поверь, я позабочусь.

Изо всех сил стараюсь взять себя в руки. Успокойся. Делаю глубокий вдох, потом ещё один, медленно считаю про себя до трёх, ещё раз и ещё. Только сердце всё равно колотится как бешеное.

Гнусный подонок. А ведь он не шутит! Более того, вполне способен с лёгкостью воплотить свои угрозы в жизнь.

— Но ты же этого не хочешь? — продолжает он, а я, в свою очередь, прикусываю язык, чтобы не съязвить. Невольно поджимаю губы, пальцы чуть подрагивают. Сейчас я далеко не в выигрышной ситуации.

Стать адвокатом — моя мечта с пятнадцати лет. Я не про-

сто хотела им стать, я грезила этим. Но когда дело касалось исключительно меня, я могла наступить себе на горло и, гордо вздёрнув подбородок, развернуться и уйти. Сейчас же... Внутри всё сжимается от тревоги — на кону не только моя судьба, но и будущее человека, который мне дорог.

— Чего вы хотите? — спрашиваю почти шёпотом, изо всех сил стараюсь, скрыть в собственном голосе дрожь.

— Ничего особенного, Мирослава, — по слогам произносит моё имя. — Твоего послушания и только.

— Моего послушания — это как? — в самом деле не понимаю его намёка. Хмурюсь, пытаюсь уловить суть его слов. Ещё и эта его самодовольная ухмылка. Только жути на меня нагоняет.

— Галицкий остаётся на должности декана, пока ты покорно выполняешь наши желания.

— Ваши?

— Ты в самом деле думаешь, Артур останется в стороне? — от услышанного по спине заструился ледяной пот, и снова эта мерзкая усмешка. Ладони становятся влажными, дыхание сбивается. Невольно делаю шаг назад, но далеко уйти не получается. Упираюсь спиной в стену.

Страх с новой силой несётся по венам, заставляя застыть мою кровь. По потемневшему взгляду мужчины прекрасно понимаю, о каких именно желаниях он говорит. Во рту мгновенно пересохло, хочется сглотнуть, но не получается.

— Я не смогу... — голос предательски просаживается,

потому что я Артура боюсь даже больше, чем Руслана.

С Артуром вообще всё очень сложно. Много лет назад мой отец... — даже говорить об этом не могу! Это был несчастный случай, и мой отец не мог даже мысли допустить, что посреди огромного поля могут оказаться дети. Но разве кому-то до этого есть дело?

— Твой отец сполна заплатит за то, что сделал.

— Он сидит в тюрьме уже много лет, — до безумия хочется сказать... нет, прокричать, что это несправедливо и мой папа не виноват. Кулаки сжимаются, в груди всё клокочет от обиды и гнева, но я стискиваю зубы и замолкаю.

— Этого недостаточно, — Руслан, словно хищник, медленно приближается ко мне. От страха втягиваю голову в плечи, хочу отступить ещё хотя бы на шаг ещё, но пути к отступлению уже нет. — Мы хотим, чтобы он испытал ровно то же, что и мы двенадцать лет назад. Он будет знать обо всём, что с тобой происходит. Он будет вариться в собственном аду. Мы позаботимся! — произносит на полном серьёзе, и я понимаю, хорошего меня ничего не ждёт.

Тело знобит, меня трясёт крупной дрожью, зубы непроизвольно стучат. В висках пульсирует, перед глазами мелькают тёмные точки. Неужели они будут физически истязать меня?

Руслан остановился неприлично близко от меня. Мне пришлось задрать голову, чтобы продолжать смотреть ему в глаза. Я стараюсь не показывать страх, но дыхание прерывистое, и руки всё же дрожат.

— Хотя нет, — произносит, пристально смотря на меня, чуть склонив голову набок. Его взгляд будто сканирует меня насквозь, и от этого становится ещё страшнее. — Ему будет в разы хуже, потому что на самых интересных моментах мы будем прекращать трансляцию...

1 Глава

— Поверить не могу, что согласилась на это, — всё ещё злюсь на подругу за её настойчивость. Запахнув куртку по-сильнее, ёжусь от порывов прохладного ветра.

— Да брось. Будет круто! — подруга счастливо скачет вокруг меня, не может успокоиться. Широко улыбается, глаза горят от предвкушения, она то и дело подпрыгивает на месте, как ребёнок перед новогодней ёлкой.

— Ну конечно, — продолжаю бурчать себе под нос, уже садясь в чёрный тонированный мерседес премиум-класса. Невольно оглядываюсь по сторонам, будто надеясь найти повод отказаться в последний момент.

Я вообще не планировала ехать на эту чёртову вечеринку. Слишком много шума вокруг неё, и в то же время всё окутано тайной. А ещё, как по мне, гостей слишком тщательно подбирали.

Данил Селиванов — самый наглый, а с этим и самый мутный тип нашего университета. Он мне вот вообще не нравится. При одной мысли о нём внутри всё сжимается от неприязни, и я ничего с этим поделать не могу.

Зато Агата от этого парня без ума! Все уши мне прожужжала о том, какой он супер-клёвый и какой супер-умный. Со всем мозгами потекла моя подруга, в общем.

Машина выезжает со двора и за считанные мгновения сли-

вается с нескончаемым потоком автомобилей. Я поправляю куртку, которая немного задралась, когда я опускалась на заднее пассажирское сиденье, устраиваюсь поудобнее. Подруга падает рядом и, пока ещё не в силах обуздать свои эмоции, в очередной раз обнимая меня, звонко чмокает в щеку. Я невольно вздрагиваю от неожиданности, но улыбаюсь в ответ — как не крути, её энтузиазм заразителен.

— Ты почему вообще в джинсах? Нужно было платье надеть. То, которое я на день рождения тебе подарила.

— Угу, жопу морозить!

— Пф-ф... — слышу недовольное от подруги.

— Мне не для кого наряжаться, Агат, — уже более спокойно отвечаю.

— Как это не для кого? Данил сказал, будет много классных парней. Попросил, чтобы я тебя с собой взяла.

— Так ты меня с собой позвала только потому, что тебя Даня попросил?

— Глупости не говори! — Агата мгновенно насупилась. Её щёки слегка краснеют, она отворачивается к окну, скрестив руки на груди. — Ты моя близкая подруга, и я хоть иногда хочу с тобой веселиться. Ты же у нас настоящая затворница. Всё над кодексами сидишь, до дыр их уже изучила.

— Я не...

— Тихо! — командует подруга, доставая из сумочки телефон. — Алло.

Агата от меня так и не отодвинулась. Наши бёдра практи-

чески соприкасались, и мне было прекрасно слышно её собеседника.

— Ты где? — простой вопрос, но задан настолько резким, металлическим голосом, что невольно внутренне сжимаюсь. Сердце пропускает удар, даже ладони почему-то становятся влажными. Хотя, казалось бы, какое это ко мне имеет отношение?

— Я же тебе говорила, что еду к сокурснице на день рождения.

— С кем ты едешь? — у меня кожа на голове скукоживается от страха. Такое ощущение, что по ту сторону айфона Агаты сидит какой-то монстр. Колкие мурашки роем сползают с макушки вниз до самых пят.

— С подругой я еду, — Акиева явно недовольна, что её потревожили. — Вообще, я утром из дома тебе звонила, и мы всё это обсудили. К чему этот контроль?

На этот раз я не расслышала, что именно ответил её собеседник, но, судя по всему сказанное ей не понравилось. Агата шумно выдыхает, закатывает глаза и нервно постукивает пальцами по сумке Гуччи.

— Ладно, я поняла. Всё, до понедельника тогда.

— Кто звонил? Дядя?

— Да задолбал уже своей опекой. Бесит, прямо! — ничего не говорю, только плечами неоднозначно пожимаю. В душе шевельнулась лёгкая зависть — вот бы и обо мне кто-то так заботился...

Не понимает Агата своего счастья. Я вот всё сама да сама. Тоска...

Водитель тормозит у двухэтажного дома нашей с Агатой сокурсницы. По легенде, мы поехали на её день рождения, и, пока водитель полностью не скрывается за поворотом, мы упорно делаем вид, что идём к её дому.

Впрочем, так и есть! С Катей мы обо всём договорились заранее.

Екатерина Лямина — маленький рыжий лисёнок. Такая же заучка, как и я, но только очень тихая, и за год, что мы учимся вместе, общаться начала только со мной и ещё двумя-тремя девочками, если считать Агату. Просто она со мной почти постоянно. Во время учёбы я имею в виду.

Данил Катю тоже приглашал на свою вечеринку, но она сразу сказала, что не пойдёт.

Наша сокурсница вышла на крыльцо якобы встретить нас. Она принарядилась немного, свои длинные рыжие волосы убрала в высокий хвост и даже серьги модные надела.

Это, разумеется, небольшой спектакль для водителя Агаты. Чтобы всё достовернее выглядело. А так нам пришлось пройти пешком почти целый километр, прежде чем мы добрались к нужному нам месту, где на самом деле и будет проходить праздник.

На территорию частного дома заходим без какого-либо препятствия. Калитка нараспашку, Впрочем, как и дверь, ве-

дущая в сам дом.

— Ого, какие люди! — восклицает уже изрядно подвыпивший виновник торжества.

Данил — достаточно симпатичный парень. Высокий подтянутый блондин с голубыми глазами, с модной причёской и серьгой в ухе.

Он, правда, классный, но только внешне. А вот манера его общения мне совсем не нравится. Иногда мне кажется, что у него и вовсе раздвоение личности.

Хотя это вряд ли, конечно.

Он просто такой человек...

Ну вот, уже сама себе вру, ища парню оправдание.

Скотина он! Причём редкостная. Строит глазки Агате, но это не мешает ему вечерами мне напisyвать. Знает, сволочь, что я ей ни за что не расскажу об этом.

— С днём рождения! — широко улыбаясь, Агата протягивает пакет с подарком. — Это от нас двоих.

— Спасибо, красавица, — слащаво щебечет Даня, целуя мою подругу в щёку, но при этом косясь в мою сторону. Я стискиваю зубы, чувствуя, как внутри закипает злость. Говорю же — козлина! — Проходите, девчонки. В баре напитки, закуски в гостиной, — быстро говорит именинник и встречает следующих гостей, мы же проходим в дом.

Кстати, подарок ни черта не от нас двоих. Я к её дорожному ремню от известного бренда никакого отношения не имею.

Я пойти согласилась только потому, что побоялась, Агата сама пойдёт, а тут из наших, более-менее адекватных, я имею в виду, почти никого нет.

— Да тут в основном все взрослые парни! — из-за громкой музыки приходится кричать. — Лет по двадцать пять, если не больше.

— Мирослава, прекращай уже, а! Я хочу отдохнуть нормально. В кои-то веки расслабиться, в конце концов! — Агата явно раздражена моим занудством. Она резко разворачивается ко мне, немного хмурится. — Вон смотри, Сильвия и Инесса тоже тут. А там Дина с каким-то парнем зажимается. Все веселятся и не нудят!

— Я тебе про парней говорю, — не унимаюсь я. — Взрослые они какие-то.

А девчонки тут как раз в основном нашего возраста, от восемнадцати до двадцати. — но это я сама для себя зачем-то подмечаю.

— Ай, да ну тебя, — отмахивается подруга. — Идём в уборную. Макияж поправим.

— Пошли.

Мне, в отличие от Акиевой, поправлять особо-то и нечего. Выходя из общежития, я разве что ресницы немного подкрасила и блеск на губы нанесла. Невелик праздник красоту наводить!

— Посмотри, платье не задралось? — подруга поворачивается спиной, демонстрируя наряд с обратной стороны.

— Нормально там всё, — отвечаю, глядя на наручные часы. Нервно постукиваю пальцем по циферблату — время будто остановилась. Я б наверное уже бы и домой пошла. — Зачем было надевать короткое платье, если ты в принципе не носишь подобные вещи?

— Почему не ношу? Ношу! Иногда.

— В том-то и дело, что иногда.

Несмотря на всю свою раскрепощённость и открытость, Агата достаточно консервативна в выборе одежды. По большей части, если и носит платья, то их минимальная длина — максимум чуть выше колен. В основном она так же, как и я, носит джинсы, брюки, свитера и пуловеры.

Единственное, у неё всё это дорогие бренды, а у меня дешёвый ширпотреб. Я невольно окидываю взглядом свой простой свитер и джинсы, ощущая укол неловкости.

Собственно поэтому, когда Агата сняла пальто, я удивилась, увидев на ней платье, длиной едва достигающее ей до середины бедра. Это совсем не похоже на её привычный стиль.

— Не поняла? Ты что, губы увеличила? — округляя глаза, смотрю на подругу.

Не то чтобы я вот сейчас только увидела, как Агата выглядит. Просто мы как-то бегом-бегом, и я не смотрела на неё особо-то.

Да, возможно, и сейчас не обратила бы внимание, если бы она не начала пристально рассматривать их в зеркале. Подхожу ближе, вглядываюсь — и правда, губы заметно больше

обычного.

— Заметно, да?

— Конечно, заметно!

— Вот блин! — раздосадованно восклицает подруга. Она хмурится, проводит пальцами по губам, нервно вздыхает. — Ну это отёк ещё не сошёл до конца, так-то не сильно будет заметно.
 — Ты же говорила, что хочешь, но делать этого не будешь, потому что твой дядя тебя убьёт!
 — Ну, с «убьёт» это я погорячилась, конечно. Кай меня слишком любит, чтобы прямо так взять и убить.
 — Кай? Его так зовут?
 — Не-ет, — хохочет подруга. Её лицо на мгновение озаряется улыбкой, но тут же становится серьёзным. — Его так многие называют. Что-то вроде псевдонима. Те, кто хорошо его знает, говорят, что у него ледяное сердце. Хотя я с этим не согласна. Он строгий, конечно, иногда бывает, но в целом хороший.

— Он твой дядя. Даже если он сотню раз оправдывает своё прозвище, для тебя он всегда хороший будет.

Говорю сдержанно, вспоминая вчерашний разговор третькурсниц в женском туалете. Они говорили, что некий Кай в прошлые выходные в одном из ночных клубов нашего города едва не до полусмерти избил парня, которого стошнило около его тачки. Потом этого бедолагу ещё и лицом в собственную блевотину окунул.

От отвращения меня передёрнуло, по спине пробежал холодок. Зажмуриваюсь, стараясь отогнать жуткие образы.

— Ты чего? — подружка заметила моё состояние.
 — Ничего. Всё нормально! — выдавливаю из себя улыбку, хотя внутри всё сжимается от тревоги. Да что ж я мнительная то такая? Снова смотрю на часы. — Мы максимум до часу, ты помнишь?
 — Славка, блин! Не порти вечер, а. Ну я тебя очень прошу. Расслабься!
 — Хорошо! До двенадцати часов пятидесяти минут я тебя не дёргаю, но потом уж прости. Не пойдёшь добровольно — за шиворот выволоку.
 — Кого ты выволочишь, мелочь?
 — Ну на тебя, дистрофика, у меня силёнок хватит!

Мы обе смеёмся, и напряжение немного спадает. Я хлопаю Агату по плечу, она отвечает лёгким толчком в бок. Вот так, обменявшись любезностями, мы вышли из ванной комнаты и пошли в гостиную.

Кстати, дом небольшим кажется только снаружи, но внутри хватает места, поэтому он вместил вполне себе приличное количество гостей.

Первые два с половиной часа прошли в целом неплохо. Играла прикольная музыка, я даже немного потанцевала, раскрепостилась, позволила себе расслабиться под зажигательные ритмы, но как-то быстро устала, поэтому отошла в сторону, где за круглым столом, практически в самом углу, небольшая группа парней играла в покер.

Я не стала подходить слишком близко, наблюдала со стороны. Один из парней, что сидел ко мне спиной, мухлевал. Он дважды за игру скинул карты под стол и непонятно от-

куда доставал новые карты. Так ловко это делал, словно из воздуха они у него появлялись. Я даже подумала, возможно, он в цирке работает, фокусником, например! Просто у него ещё выправка статная достаточно, спина очень прямая.

Так прошёл ещё примерно час!

— Агат, я пойду водички поищу, в баре закончилась, не теряй.
— Окей! — кричит, не прекращая двигаться в ритмичном танце, подруга. Музыка глушит.

Кухню нахожу не сразу, расположение комнат в доме намного странное, кухня оказалась как бы за поворотом.

Я уже вся в предвкушении, хочу поскорее утолить жажду, ускоряю шаг, но, не успев ступить на порог, застываю, услышав разговор парней.

— Смотри, не лишкани. Нам их расслабить нужно, а не обездвигить.
— Не учи мастера, Косой!
— Я ебло тебе сейчас вскрою...
— Угомонитесь! Заебали уже, — этот голос я узнаю. Андрей. Лучший друг Данила. Он тоже парень мутный, но насколько сильно — знать не могу, потому как он не из нашего университета. Он, по-моему, вообще нигде не учится. — Комнат немного, — продолжает он, — По четыре пары в каждой, остальные в гостиной. — Данил себе Зайцеву забил! — невольно вздрагиваю, внутри всё холодеет. Чего он там меня? — Акиеву только нужно будет подальше оттащить от неё. Порошок на всех по-разному будет действовать. В основном опосля память отшибает у всех, но не исключено, что кто-то останется в сознании. Такое редко,

но случается.
 — Подожди, а как их трахать тогда?
 — Молча! — вздрагиваю ещё раз, когда слышу, как со стуком опускается стакан на стол. Кровь отливает от лица, руки начинают дрожать. — Они все как куры варёные будут. Еби хоть в рот, хоть в жопу! Сопротивляться не будут. И на камерах всё будет выглядеть вполне естественно. Проверено!

Отступаю назад, стараясь не шуметь. Сердце колотится так сильно, что, кажется, его стук слышен на весь дом. В голове мечутся мысли: «Нужно срочно предупредить Агату! Надо выбираться отсюда!» Тихо, почти на цыпочках, я отхожу от кухни, оглядываясь по сторонам в поисках подруги.

2 Глава

Пройдя буквально пару метров, едва не срываюсь с места, быстро иду в обратном направлении. Как бы я не старалась успокоиться, шаги всё равно выходят резкими, но в моих движениях нет суеты.

В гостиной музыка немного стихла, и один из присутствующих гостей, парень с татуировками даже на лице, вещает что-то о дамах и гусарах и о благородных напитках. Подвыпившие девчонки хихикают, включая Агату. Видно, пока я отходила, она всё же выпила пару коктейлей, хотя говорила, что не будет.

Среди вороха сумок нахожу наши с Акиевой, хватаю подругу за руку, ничего не объясняя, тяну её к выходу. Пальцы впиваются в её запястье, явно причиняя её боль. Подруга шипит и айкает, но к счастью при этом перебирает ногами.

— Славка, ты куда меня тащишь? — ничего не говорю, потому что не хочу тратить время. У меня поджилки трясутся, и я уже чувствую, как в этом месте запахло жареным. — Зайцева, стой, времени ещё двенадцати нет.

— Быстро одеваемся и на выход! — командую я. К счастью, наша верхняя одежда висит на угловой вешалке, а не закинута в шкаф с остальными. Я срываю куртку с крючка так резко, что вешалка едва не падает, но мне уже всё равно. Главное, убраться отсюда как можно скорее.

— Я никуда не пойду! — подруга всё же вырывает свою руку из моей руки и хочет уйти, но я снова перехватываю её за запястье. В этот раз хватаю крепче, и снова тяну за собой.

— Бегом, я сказала! — рявкаю я. Агата вообще не позволяет собой командовать, но, возможно, видя моё состояние, она решает мне уступить.

Сделав ещё буквально пару шагов, мы едва не сталкиваемся с каким-то парнем.

— Девчонки, а вы куда? — высокий худощавый молодой человек с неприятной похотливой улыбкой перегородил нам путь. От его взгляда по коже пробегает липкий холодок, и внутри у меня всё сжимается от страха.

— Подышать пару минут! — на автомате выпалила я. — Да и курить хочу, не могу. Кстати, угости сигаретой.

— Там фирменный коктейль от нашего бармена сейчас подадут.

— Да? — пытаюсь взять себя в руки, не показывать своей нервозности. Нам нужно выйти из дома, а он уже запер дверь на ключ. — Круто, — стараюсь сказать искренне, но разумеется получается так себе. — Прихвати на нашу долю по бокальчику хотя бы, и далеко не уходи, красавчик. Я ещё белый танец не танцевала! — парень моментально оживляется и, расплывшись в улыбке, едва не облизывается. Внутри всё противно сжимается, но я выдавливаю из себя кокетливую улыбку. Пусть думает, что мне до него есть дело, лишь бы только открыл дверь.

— Замётано, конфетка! Но покурить можно и на террасе, — и, трогая нас за плечи своими потными руками, пытается меня и Агату развернуть в обратную сторону. От этого прикосновения меня едва не передёргивает, но я заставляю себя не отстраняться.

— Там народу до хрена! — капризно дую губы. — Мы на крылечке лучше. К тому же нам ещё пошептаться нужно. Парень, который понравился моей подруге, клеит другую девушку. Нам нужно разработать план, как её обезвредить!

Мирослава, что ты несёшь?

Я говорила очень быстро, старалась сделать всё, чтобы у парня не было шанса задуматься, или даже услышать фальшь в моём голосе, но в какой-то момент мне всё же начинает казаться, что крашенный блондин понял наш замысел и не откроет дверь. Знаю, что актриса из меня никудышная. Но, к счастью, он разворачивается и, вставив ключ в замочную скважину, поворачивает его. Сердце замирает на долю секунды, а потом срывается в бешеный скач.

— Только без драк, девчонки, — фух, вроде сработало.

— Ну конечно. Мы всё-таки леди.

— Я вам коктейли сейчас сюда вынесу.

— Хорошо, — парень собирается уходить, но я его торможу. — Сигарету-то дашь? — натянуто улыбаюсь, глядя парню в глаза. Вижу, что он всё ещё сомневается, поэтому дожимаю. Стараюсь держать взгляд твёрдым, хотя внутри всё дрожит, как натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть.

— А, да, конечно, — как хорошо, что Агата всё это время молчит в тряпочку и вытаскивает из пачки парня сигарету, как бы и для себя. Нужно отдать должное, моя подруга хоть и бывает излишне наивна, но она далеко не дура.

— Что произошло? — спрашивает, как только парень уходит.

— Потом объясню. Бегом отсюда!

Я снова беру подругу за руку и тяну её за собой.

— Мы куда? Калитка в другой стороне.

— Если вдруг нас решат найти, чтобы вернуть, они пойдут на улицу.

— Я ничего не понимаю!

— Я пока тоже, кроме того, что нам когти рвать нужно отсюда, ничего не понимаю! — Пригнись, — прошу подругу, когда проходим мимо окон. Сама наклоняюсь почти до земли, будто это может сделать нас невидимыми, и каждый шаг делаю чуть ли не на цыпочках.

Я решила обойти дом с обратной стороны. Думаю, так у нас будет больше шансов сбежать.

За углом дома тормозим, на террасе двое парней курят и о чём-то оживлённо переговариваются. Я уже на грани паники, потому что парень, который выпустил нас на улицу, обещал вскоре вернуться. Если эти двое сейчас не уйдут, то мы можем попасться. Ладони становятся влажными, и дыхание сбивается. Мне кажется, абсолютно любой звук выдаст нас, любой шорох привлечёт внимание.

Секунды кажутся вечностью, и паника внутри меня нарастает всё сильнее. Дышать становится сложно. Даже глубокие вдохи не помогают

Но всё же, очевидно, сегодня для нас счастливый день. Кто-то из дома кричит, чтобы парни зашли, и они тут же, загасив сигареты, идут в дом.

Жду ещё пару секунд и выхожу из укрытия. Естественно, Агату тяну за собой, и мы попадаем на задний двор.

— Слава богу, стена глухая.

— В смысле?

— Без окон.

— Ты мне скажешь, что произошло?! — явно уже нервничает подруга.

— Расскажу, как только мы окажемся за забором, — и киваю в сторону сплошного полутораметрового забора.

— Ты гонишь?

— Вообще нет.

Я больше не намерена ждать, мне в джинсах и короткой куртке ничего не стоило перемахнуть через забор.

Поставив одну ногу на брус, второй упираюсь в столбик и, подпрыгнув, ловко взбираюсь на широкий штакетник. Навыки из детства всё-таки пригодились. Я часто от тётки сбегала, когда она выходила из себя. А вот Агате пришлось попытаться. Повозившись какое-то время, кое-как, но она всё же вскарабкалась. При этом, правда, не только колготки разодрала, но и хорошо так колено поцарапала.

— Боже, вот что я делаю, Зайцева? Во что ты, мышь перепуганная меня вообще втягиваешь?

— На счет три прыгаем, — полностью проигнорировав не-то вопрос, не-то реплику подруги, произношу.

— Я боюсь прыгать.

— Агата, смотри, ротвейлер! — говорю негромко, но с эмоцией, и это работает. Подруга до смерти боится собак, поэтому махом слетает с забора на нужную нам сторону. Я тут же за ней. Адреналин зашкаливает, поэтому о страхе я не думаю.

Едва мы успели спрыгнуть, и отползти, едва ли не в буквальном смысле чуть в сторону,

как услышали приближающиеся голоса.

— ...на какой хер им двери открыл?

— Меня эта обманула, ну как её? Глазастая эта, на которую...

— Чё, нашли? — очевидно, присоединился кто-то третий. Слышно было, что он догонял парней. — За двором нет их.

— Съебались, по ходу, Ден.

— Хреново.

— Да х** с ними. Там один хер на всех хватает.

— На Акиеву были определённые планы! — вполне серьёзно говорит парень шепелявым голосом.

— На Акиеву?

— Тсс, — шиплю на подругу, прикладывая палец к губам. Сердце так и норовит выпрыгнуть из груди, и я почти не ды-

шу.

— Давайте тачку возьмём, по улицам прокатимся, может, перехватим ещё. Не могли они сильно далеко уйти по темноте.

— Там скоро всё уже начнётся.

— Минут десять у нас ещё точно есть.

Голоса стали отдаляться и, наконец, стихли.

— Куда пойдём? — спрашивает Агата шёпотом.

— Не знаю, — так же едва слышно произношу. — Туда вон, — киваю в правую сторону.

— Там нет жилых домов! — подмечает подруга.

— А значит, процент встретить собак, которые лай поднимут, куда меньше, — шёпотом, но твёрдо говорю я.

— Логично.

Пульс долбит в висках, дыхание сбилось почти сразу, потому что мы какое-то время ещё боялись поднять головы, соответственно, бежали едва не на полусогнутых ногах. Каждый вдох отдаётся в груди острой болью, но я не могу остановиться. Зная себя, стоит мне замереть хоть на секунду, и страх окончательно парализует.

Нам казалось, что мы отошли на достаточно приличное расстояние, но, оглянувшись, поняли, что максимум пробежали метров триста.

— Что дальше?

— Откуда я знаю? Это же ты панику развела и меня заразила.

— Чем?

— Паникой своей!

— Это хорошо.

— Ничего хорошего! — почти огрызается подруга.

Мы свернули на узкую улочку. Агата на каблуках часто спотыкалась, не могла быстро идти, а я в тысячный раз похвалила себя за то, что оделась не как на день рождения, а как на рынок за картошкой. То есть в джинсы и свитер! Волосы разве что только немного уложила.

— Слава... — испуганный голос подруги заставляет вздрогнуть, и в следующую секунду нас ослепляет светом фар непонятно откуда взявшегося автомобиля.

3 Глава

У меня от страха до жгучей боли скрутило мышцы, и по спине в момент пробежал ледяной пот.

Агата тоже напряглась, больно впилась своими когтями мне в руку, но я никак не реагировала на эту боль.

Впору уже и закричать, а я не могу. Какой-то ступор. В голове слышу собственный голос: «Беги, дура. Чего стоишь?» А я действительно не могу. Ноги вросли в землю. Дыхание паническое, сбитое, пульс зашкаливает, кожу головы ощутимо стягивает от подступающей паники.

Щелчок двери, и я с ужасом наблюдаю за тем, как огромная тень выходит из автомобиля.

— Агата Артуровна, вы почему не на празднике? — от облегчения у меня резко закружилась голова. Мир качнулся, и теперь уже я вцепилась в рукав Агаты, чтобы не упасть.

— Глеб? — подруга прочищает горло, потому что её голос не просто просел, а довольно сильно охрип. — А т-ты чего здесь? — Агата так же как и я здорово перепугалась, но сейчас, разумеется, старается не подавать виду.

— Мне было приказано не отходить от вас, но так как вы категорически отказались от моего сопровождения, мне велели ждать вас неподалёку.

Глеб — личный водитель, а по совместительству, как я поняла, ещё и телохранитель. Хотя Агата почему-то это отри-

даёт. Сейчас он вышел из тени на свет и внимательно смотрит на разодранное колено Агаты.

— Вы травмированы, Агата Артуровна? Я немедленно доложу Руслану Тимуровичу.

— Не нужно никому ничего докладывать, Глеб! — довольно резко проговаривает подруга.

— Я не имею права...

— Я поругалась с именинницей и психанула. Мы со Славой ушли. Колено повредила, когда по темноте с крыльца спускалась. Упала я!

Мне за подругу немного... неловко что ли. Глеб, пусть и не критично, но всё же явно старше нас, и я считаю, что Агате не следовало хотя бы так явно дерзить ему. Мне он кажется добрым и за Агату обеспокоен, как мне кажется, вполне искренне.

— Простите, с каким Славой вы ушли?

— С вот этим Славой! — раздражается и на меня указывает пальцем. — Она Мирослава, сокращённо Слава.

— А, простите. Я как-то не подумал.

— В том-то и дело, что не подумал, — бурчит подруга, проходя вперёд к автомобилю. — Не нужно ничего сообщать Каю. У него важная командировка. С моими подружками он разборки наводить не станет. Только зря дёргаться будет из-за пустяка.

— Это не пустяк, ваше колено кровоточит.

— Глеб, чё ты душный такой, а? Говорю тебе, я сама ви-

новата!

— Подтверждаю, — наконец обретя дар речи, говорю я. — Агата, ты была не права. — теперь и я двигаюсь к машине. — Это действительно день рождения Кати, и она была вправе выбрать музыку на свой вкус! Ты же со своим «Мияги» совсем уже с катушек слетела. Ну какой «патрон» на дне рождения.

— Не тронь святое! — за любимого исполнителя подруга любому хребет перегрызёт, и её водитель об этом знает. Поэтому с лёгкостью слопал наше враньё.

— В таком случае, так уж и быть, я сделаю вид, что не заметил.

— Уж постарайся! — всё тем же высокомерным тоном ёрничает подруга.

Только забравшись на заднее сиденье автомобиля и закрыв за собой дверь, я наконец выдохнула.

— Домой, Агата Артуровна?

— Только давай Славяна назад в общагу закинем! — мне даже удалось улыбнуться. Глеб симпатичный и мужественный, но при этом очень спокойный, временами кажется непосредственным.

Славяном Агата меня не называет. Славой только, и то не часто, а сейчас, мне кажется, она хочет отвлечься и разрядить обстановку. Просто Глеб так смешно глаза выпучил. Видно, что на пару мгновений растерялся.

— Слушаюсь.

Машина неспешно покати­лась вдоль доро­ги, и буквально через несколько метров свернула на другую улицу. Мы и ста метров не проехали, как нас снова ослепил яркий свет.

Встречный автомобиль, вернее, его водитель, судя по всему, даже не думал переключать свет с дальнего на ближний, и я почувствовала, как моментально воздух в салоне нака­лился. Тишина стала густой, тяжёлой, будто сама ждала, что случится дальше.

— Машина наглухо тонирована, не переживай, они нас не видят, — шепчет Агата. — Глеб, не нужно! — я не сразу поняла, что случилось и почему у Агаты голос стал таким резким. Лишь когда водитель обернулся и посмотрел на нас, проследив за его рукой, я заметила, что он хотел достать пи­столет из кобуры. Мне снова стало жутко.

К счастью, машина, стоявшая впереди, неспешно двину­лась вперёд, объезжая нас с левой стороны.

За рулём сидел Андрей, рядом парень в татуировках, а позади тот, который выпустил нас из дома.

— Думаешь, они поняли, что мы тут? — задаёт вопрос Агата, так же, как и я, проследив за тем, как парни с вече­ринки, проезжая мимо, смотрят в нашу сторону.

— Уверена! А если и не знают сейчас наверняка, — очень тихо отвечаю, — то, как только опишут машину Селиванову, то тут же всё поймут.

— Что поймут?

— Что мы уехали, Агата! Данил твою машину знает.

Спустя какое-то время мы выехали из дачного посёлка. Машина, прекратив прыгать по кочкам, по гладкому полотну дороги плавно устремилась вперёд.

— Теперь рассказывай! Что там произошло такого, что ты потащила меня за собой?

Этот вопрос подруга задала после того, как попросила водителя включить музыку в салоне.

— Я на кухню за водой пошла и услышала, как парни говорили о том, что хотят подсыпать всем присутствующим девушкам какой-то порошок и устроить оргию! — пауза буквально пару секунд, и Агата прыскает со смеху. Её звонкий раскатистый смех зазвенел колокольчиками. Глеб метнул на свою подопечную спокойный взгляд через зеркало заднего вида, а я напряглась вся, но теперь не от страха, разумеется, а от неловкости. У подруги от смеха даже слёзы в уголках глаз выступили, и мне стало ещё паршивее.

— Ты, ты серьёзно?! Мира, блин! Ты вроде как одна из лучших на нашем потоке, любая задача по плечу.

— При чём тут это?

— Да притом... Глеб, музыку громче сделай! — громко просит водителя подруга, и снова обращается ко мне. — Либо ты что-то не так поняла, либо тебя просто развели! Я, кстати, ко второму варианту склоняюсь! Они заметили тебя и решили разыграть. Точно тебе говорю! — я нацепила на лицо дурацкую улыбку.

— Попросим Глеба развернуться? — подруга затихает и

пару мгновений смотрит на меня.

— Ты что, обиделась?

— Нет, не обиделась, но это была наша последняя совместная поездка куда-либо, — Агата сникла, ей явно больше не весело.

— Мир...

— Глеб, остановите, пожалуйста, тут, я пройдусь!

— Ночь на дворе, Мирослава Сергеевна.

— Тут всего-то дом обойти! К тому же мне всё равно в аптеку зайти нужно, — водитель подруги смотрит влево, на яркую вывеску «Аптека 24 часа».

Машина плавно затормозила у обочины, и я тут же, открыв двери, вышла на свежий воздух. Мне было крайне неловко и хотелось поскорее уйти. Впрочем, что я и сделала. Я даже тридцать метров до дороги доходить не стала, переступив через бордюр, пошла по парковке между рядами машин.

4 Глава

В аптеке мне нужен был ромашковый чай. Без него я вряд ли сегодня усну. В голове всё ещё гудело от пережитого стресса и я мысленно давала себе установку, что всё обошлось и больше нет повода для паники.

А может, и вовсе Агата права, и я больше себя накрутила? Только я всё же я не жалею, что ушла. Всё равно на вечеринке я чувствовала себя крайне неудобно.

Я вообще сама по себе очень домашняя. Любой, самой крутой вечеринке, предпочитаю тёплый плед, книгу и чай. Только вот с появлением Агаты в моей жизни всё существенно изменилось. Она то и дело пытается подбить меня на какой-нибудь сабантуй. То в клуб тянет, то вот, на вечеринку потащила.

В целом, наверное так и нужно прожигать свою молодость. Отдыхать, веселится и всё такое.

Когда-то я жила в полной семье и была безгранично счастлива. Но длилось это не слишком долго.

Детство своё я помню больше какими-то урывками: слёзы мамы, как она молила, стоя на коленях, отца о чём-то, плакала, кулаками била о пол от бессилия.

Папа ушёл. Я не понимала куда, но точно знала: он не мог нас бросить. Слишком сильно любил и оберегал.

Мне было семь. Я не помню, в какой именно период, но

определённый отрезок своей жизни я просто забыла. Иногда всплывают отдельные эпизоды, но не более того.

Я помню маму в платке, в больничной сорочке. Она тепло улыбается, смотрит на меня с безграничной любовью и, кажется, за что-то просит прощения.

Потом снова пустота, и включаются мои воспоминания примерно с шестого класса, когда я, возвращаясь из школы домой, вижу на старом прогнившем диване пьяную тётку с сигаретой во рту.

Тучная женщина кричит на меня с порога, заставляет наводить порядок, убирать бутылки после очередной попойки. Она бросает в меня тапки, сапоги, всё, что попадает под руку.

Нет, я не жалеюсь! Тётя Роза пила, конечно, часто, но всё же не была запойной. Три-четыре дня क्रомешного ада, зачастую с рукоприкладством, но потом две недели тишины и спокойствия. Иногда даже конфеты мне покупала. Дешёвые карамельки, но всё же тогда это для меня было настоящим лакомством.

Запах гари, ударивший в ноздри, заставляет вернуться в реальность.

— Чё, где горит? — задаю себе же вопрос вслух. Сворачивая за угол дома, двигаюсь в направлении своего общежития.

Ступая по бетонной отмостке, смотрю себе под ноги. Кроссовки уже поистрепались, — продолжаю размышлять

я, — наверное, стоит взять пару дополнительных смен в кофейне, чтобы купить новые. Не хочу брать деньги, которые отложила на счёт. Так никогда на новый ноут себе не накоплю.

Обойдя дом ещё раз, сворачиваю за угол и, оторвав взгляд от собственной обуви, поднимаю голову. Я даже не сразу поняла, что вижу. Подумала, адресом ошиблась и забрела не на ту улицу. Как вкопанная застыла на месте, не могла пошевелиться, широко раскрыв глаза, смотрела на пожар.

Клубы густого дыма валят из комнат, расположенных на третьем этаже. Я не сразу поняла, что горит моё общежитие, ещё позднее до меня дошло, что сейчас пожарный расчёт тушит именно мою комнату!

Сердце провалилось куда-то вниз, и перед глазами мгновенно поплыло. Я смотрела на уже угасающий огонь, и не могла поверить, что это происходит со мной. Там, внутри, сгорает всё, что у меня было.

Я не поняла, как оказалась рядом с толпой зевак. Была там, и хоп, пара мгновений — и я тут. Растолкав народ локтями, с трудом протиснувшись вперёд, я двинулась дальше.

— Девушка, вы куда? — слышу голос какого-то мужчины, скорее всего, пожарного, но не реагирую на него. Слишком взволнована.

— Маргарита Давыдовна...

— А-а, явилась наконец! — тон старшей по общежитию мне совсем не нравится. — Аристарх Петрович! — кричит

женщина. — Аристарх Петрович! — внутренне сжимаюсь. В голове моментально проносятся картинки последних моих действий: ноутбук выключила, сняла с зарядки, положила на стол, лампу погасила. Плитку, чайник не включала, более того, вилку удлинителя из розетки вытащила. — Вот она, красавица наша.

— Зайцева?!

— Да, это я, — совершенно растерянно произношу.

— Я вижу, что это ты. Живо в деканат! — тучный мужчина шестидесяти пяти лет смотрит на меня с презрением.

Да так ещё бы! Я единственная, кто не побоялась в стойку встать и не сдала деньги ему на подарок к юбилею. Ему, видите ли, приглянулся «Ролекс» в золотой окантовке стоимостью целое состояние.

Несмотря на то, что в общежитии проживает достаточно много народу, кажется, более четырёхсот, каждому сдать нужно было почти по три тысячи рублей. Я, конечно, не бедствую, но как бы и не печатаю деньги. К тому же мне куртка на весну нужна была, и так, по мелочи кое-что.

В общем, я так нашей старшей по общежитию и сказала: «Лучший подарок — тот, что сделан своими руками». И нарисовала ему открытку! — ну хорошо, не так. Никакой открытки я ему не рисовала, ежедневник подарила!

Вообще, подарила я ему его без всякой задней мысли, но он чёт обиделся... Почему-то решил, будто бы я ему на его забывчивость намекаю. А чего ему на неё намекать? Ему уже

давно напрямую говорят, что с памятью у него беда просто.

— Время — половина второго ночи, — растерянно мямлю я.

— Не переживай. Для тебя персонально весь педагогический состав собрался.

Мне снова становится дурно.

Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Университет буквально в десяти минутах ходьбы от общежития, но, очевидно, из-за волнения у меня не получается идти слишком быстро. Мне казалось, я едва не бегом бежала, но время на практически севшем телефоне показывало два пятьдесят пять.

В трёх окнах горит свет, значит, меня действительно там ждут.

Ноги не слушаются, словно свинцом налиты, я, через силу преодолевая каждый шаг, двигаюсь вперёд.

Подойдя к двери деканата, какое-то время топчусь на месте, не решаюсь постучать в дверь.

— Заходи давай, — слышу строгий голос Льва Андреевича. — Стоишь, топчешься.

Я не знаю, как он это делает, но наш декан словно сквозь стены видит. Очень часто, заходя в кабинет, в котором преподаёт нам философию, он безошибочно по фамилиям называет тех, кто не выключил телефоны. И сейчас, несмотря на то, что я бесшумно подобралась к его кабинету, он понял, что я за дверью стою.

Несмело берусь за ручку, тяну её на себя. Вот вроде бы и знаю я, что не виновата, но всё же успела накрутить себя достаточно сильно, и сердце готово выпрыгнуть из груди.

Прохожу вперёд. Под пристальным взглядом своего троюродного дяди совершенно не тушуюсь. Как бы он ни старался сейчас смотреть на меня строго, знаю — он злиться совершенно не умеет.

— Это что? — кивает на железяку с обгоревшими проводами.

— Похоже на утюжок для волос.

— Это твой утюжок! — кажется, не спрашивает. Утверждает.

— Нет, не мой, — заявляю уверенно. — Мой в столе лежит, — Лев Константинович нахмурился.

— Но Нина утверждает, что это твой утюжок. Да и лежал он на твоей постели. Он был включён в розетку.

— Исключено. Я волосы под жидкий лак ещё с утра уложила, потому что его на влажный волос наносят. Это может быть мой утюжок, если его Макарова взяла без спросу. У неё ещё на прошлой неделе сломался, она моим пользовалась.

— Но он на твоей кровати лежал! — снова повторяет, но на этот раз чуть с нажимом.

— Розетка уже давно только с моей стороны работает, — Лев Андреевич крепко задумался. Потирая свою не слишком длинную седую бороду, смотрит в окно.

Я уверена, что это Нинкиных рук дело! Она мне уже два

плёда вот так спалила и деньги ни за один ещё не отдала. На полку ей, видите ли, неудобно класть что плёнку, что утюжок.

— Моя комната сгорела? — зачем только спрашиваю, я же своими глазами видела, что да. Меня начинает бить дрожь. Нижняя губа нервно подрагивает. Там были все мои вещи, конспекты и прочее. Там вся моя жизнь была! От понимания, вернее осознания этого, внутри всё сжимается до острой боли.

— Выгорела подчистую, Мирка, — я опускаю голову, а декан и мой дядя по совместительству продолжает: — Но кое-что удалось спасти, — снова поднимаю свой взгляд. Пристально смотрю на мужчину. Вроде даже не дышу. — Костя Морозов первый увидел пожар. Испугался мальчишка. Ринулся тебя спасать... Ну, не реви, не реви, — достав из коробки бумажную салфетку, Лев Андреевич подаёт её мне. Я не заметила, как расплакалась. — Он ноутбук твой вынес и рюкзак с конспектами. И вещи из шкафа, только те, что схватить успел.

— Правда? — оживилась я. — Ой, а сам Костя не пострадал? — тут же спохватилась я.

— Немного дымом надыхался. А так в целом всё обошлось.

— Мгы, — снова всхлипываю. — Мне ущерб платить? Где я столько денег возьму?

В кофейне, в которой я работаю, мне хорошо платят. Мне

вполне хватает на еду и вещи по сезону прикупить, когда нужно. Но всё же оплата ущерба...

— Ничего платить не нужно будет. Хотя я уверен, наш Аристарх Петрович не упустит возможность потрепать тебе нервы.

— Как это — не-не не нужно будет? Мне же никто не поверит, что это моя соседка воспользовалась моим утюжком, — прикусываю язык, чтобы не ляпнуть «Нинка ещё та подлиза». Она практически с каждым преподавателем на короткой ноге. Знает эта мадемуазель кому и как без мыла... Ну, в общем, декан и сам знает, что мои слова против её — пустой звук.

— У нашего главного спонсора, — показывает ручкой, что держит в руке, на коллективное фото, где по центру стоит высокий, широкоплечий мужчина лет тридцати пяти.

Даже с этой фотографии от этого мужчины веет огромными деньгами. Идеально сидящий костюм и явно золотые часы на запястье, уверена, на ногах туфли из кожи какого-нибудь крокодила из вида вымирающего.

Мужчина довольно симпатичный, но его взгляд пугает. Столь пристальный, строгий, он словно в душу смотрит. В данный момент в мою!

— Мирослава, ты слышишь меня?

— А? Что? Простите, я отвлеклась.

— Я говорю, застраховано у нас общежитие. Так что финансово ты не страдаешь, — Лев Андреевич замолчал. —

Почти, — спустя небольшую паузу всё же добавляет.

— Какие-то деньги всё-таки нужно будет заплатить? — неуверенно интересуюсь, попутно вспоминая, сколько успела отложить на счёт.

— Аристарх в стойку встал насчёт тебя.

— В каком смысле? — сердце пропускает удар. Я по взгляду дяди понимаю всё. — Он выгнал меня из общежития...

— Да. И мне даже рта раскрыть не дал, представляешь. Он знает про твою ситуацию. Сказал, что сообщит, куда нужно, — сглатываю вязкую слюну.

— Законом не запрещено...

— Ну, мне сейчас тебе, круглой отличнице и стипендиату, рассказывать о последствиях? — отрицательно мотаю головой. Это конец. Даже не представляю, как мне теперь быть!

— Откуда он узнал?

— Полина с его дочкой дружит. Думаю, она по секрету рассказала. У нас в семье все эту историю знают.

Полина, дочка Льва Андреевича, и, Лидия, жена моего дяди, меня, мягко сказать, недолюбливают, поэтому неудивительно.

5 Глава

Первая пара — «Теория государства и права». Довольно важный предмет, а у меня ну вообще нет желания воспринимать хоть какую-нибудь информацию. Голова гудит от усталости, и мысли разбегаются в разные стороны. Невозможно зацепиться ни за одну из них.

На обратной стороне тетради шариковой ручкой выцарапываю непонятные даже мне иероглифы, при этом размышляю о том, что до университета и обратно добираться теперь мне предстоит по полтора часа, а то и больше. На работу тоже как-то нужно будет приноровиться...

Хорошо знакомый запах «Розовой молекулы» ударяет в ноздри. Шуршание одежды в полной тишине хорошо слышно. До этой минуты в аудитории я была совершенно одна.

— Привет.

— Привет, — отвечаю на приветствие совершенно бесцветным голосом, продолжая всё так же рисовать в тетради. Рука двигается сама по себе, будто пытается выплеснуть накопившуюся злость и растерянность в этих бессмысленных линиях.

— Я звонила тебе.

— Я видела, Агата. Прости, была занята, не могла ответить.

— Так сильно обиделась на меня? — голос Агаты тихий, в нём слышно явное сожаления. Она присаживается рядом и мягко касается моего плеча. — Прости меня. Ты права была. Я Инессе звонила, и она сказала, что вообще не помнит, что на вечеринке было. Никто не помнит, представляешь? — поджимаю губы. Хочу ли я знать, что там было? Однозначно нет! Вот вообще не хочу. — Данил сказал, это хорошо, что мы с тобой ушли. Там пацаны убойный коктейль по новому рецепту сделали. Друг его из Америки, ну тот, что с фиолетовым чубом...

— Я поняла, о ком ты, — подпирая щёку кулаком, смотрю на своё «произведение искусства», ерунда какая-то получилась. — Он же раз двадцать на вечеринке сообщил, кто он и откуда.

— Ну да. Вот он скотч привёз какой-то элитный, его добавили в коктейль, и всех после него просто вырубило! — с трудом сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. Вот в кого у меня подруга бестолочь такая?

Ладно! В конце концов, она взрослый человек. Не могу же я её нянчить постоянно.

— Я про общежитие слышала, — меняет тему, очевидно, поняв, что вечеринку я обсуждать не намерена. — Это кошмар, конечно. Правда, что это по твоей вине?

— Агата...

— Что?

— Во-первых: смени свой заискивающий тон на нормаль-

ный. Бесишь! — со стороны может показаться, что я грубо говорю, но это не так, и привыкшая к моим заносам Агата это понимает. — Второе: тебя пропустили в мою комнату, и ты, уговаривая меня пойти на день рождения Селиванова, сидела на моей кровати. Утюжок рядом лежал? Или, может, что-то иное попу тебе пригревало?

Несколько секунд тишины, и Агата с шумным вздохом искреннего негодования начинает сумбурно выражаться:

— Блин, Мирослава, так это же... это... — едва не задыхается подруга. — Так, я пойду свидетелем!

— Не нужно! — откладываю ручку в сторону, выпрямляю спину. В груди неприятно колет, даже мысль о том, чтобы снова оправдываться, снова стоять перед кем-то и доказывать, что я не виновата, заставляла всё внутри дребезжать. — Нина призналась, что это она, торопясь на свидание, забыла выключить утюжок из розетки.

— Капец. И чё, теперь её исключат?

— Нет, конечно. Ты забыла, кто у неё папа?

— А, ну да. Точно. Прокурор.

— Ну вот.

— Подожди, а почему тогда все судачат о том, что ты виновата в пожаре, а твоя соседка по комнате — жертва, лишившаяся кучи дорогих вещей?

— Потому что никто не знает, что пожар она устроила. Лев Андреевич мне по секрету сказал, что всё по тихому замнут. Так что я типа не в курсе — ты тем более! — торопли-

во добавляю, указывая шариковой ручкой в сторону подружки.

— Хорошо. Я поняла. Только всё равно обидно.

— Что тебе обидно?

— Что все вокруг шушукаются, очерняя тебя.

— Обидно, что при этом всё её в общежитии оставили, а мне не хватило места. Видела бы ты злорадно ухмыляющегося Аристарха Петровича. Меня чуть не стошнило!

— Кого? Какого Арис...

— Главного по общежитию, — поясняю я. Аудитория начала постепенно заполняться, и нам пришлось говорить значительно тише.

— А почему он вдруг?.. А-а-а, — спохватывается подруга.

— Это ему ты на часы не скидывалась?

— Мгы.

— Вот, блин! Говорила тебе: давай я тебе одолжу...

— Агата! — одёргиваю подругу. Не одолжить она хотела, а сдать за меня деньги. Я не позволила.

— Пипец. И чё, ему прямо доложили?

— Он уточнил у старосты по общежитию. Заранее попросил её написать список не сдавших.

— И что, будто бы ты единственная, кто не сдал ему на подарок! — исподлобья смотрю уже совсем по-доброму. — Серьёзно? — в удивлении девушка выпучила глаза.

— Сама в шоке, — говорю всё так же безразличным голосом. — Даже те кто после детского дома и из малообеспе-

ченных семей сдали. Аристарх Петрович он же не зверь какой, почти за три месяца до своего юбилея прозрачно о подарке намекнул.

Подруга ещё шире выпучивает глаза, от её вида начинаю улыбаться. Кажется, даже расслабляюсь.

— Ничего себе. Ну тогда понятно, почему он так с тобой! И где теперь ты жить собираешься?

— Валерия Игнатьевна мне комнатку на Брусчатке сдала. Почти даром, кстати. Я даже не ожидала.

— Наша историчка?

— Да.

— Понятно, — задумчиво тянет подруга. — А Брусчатка у нас где?

— На окраине, за чертой города. В сторону Воскресенска.

— Ого!

— Ага, — вздыхаю.

— Ну комната хотя бы приличная? — кривлю лицо, отрицательно мотая головой.

Комната эта и не Валерии Игнатьевны вовсе. Её какой-то родственницы, не то тёти, не то ещё кого, в целом мне без разницы. Просто простаивает, вот она и решила меня пустить в неё по доверенности. Платить только за коммунальные услуги, и всё.

Сначала я обрадовалась очень. Даже понимая то, что на дорогу туда и обратно у меня будет уходить куча времени, это совершенно не омрачало. Вот только, переступив порог

этой самой комнаты, я внутренне содрогнулась.

Жуткие обшарпанные стены, паутина кругом, грязи столько, что на помойках не сыскать такого количества. Тараканы? Само собой!

Я ещё удивилась, зачем — непонятно — не то пенопластом, не то ещё чем был заткнут порожек.

Купив в ближайшем магазине огромные мусорные мешки, вооружившись перчатками и респиратором, чтобы не задохнуться, я своими же ручками вытаскивала мусор из комнаты.

Примерно через час в коммунальную квартиру прибыл полноватый мужчина лет сорока пяти. Он пояснил, что является хозяином остальных трёх комнат и что не может переехать сюда с семьёй и детьми из-за вони, которая как раз таки исходит из этой комнаты, а также тараканов, которые каждый раз находят выход на их территорию.

Я почему-то подумала, мол, он недоволен моим вторжением, но когда он ушёл и вернулся через несколько минут, одетый в рабочую одежду и с таким же респиратором, как у меня, поняла, что ошиблась.

Он помог мне навести порядок и даже содрать оставшуюся краску со стен. А ещё он за свой счёт вызвал компанию для борьбы с тараканами. Только вот мне три дня минимум нужно где-то пожить, пока отравы не выветрится.

Об этом всём я рассказала Агате просто так, без задней мысли, и искренне удивилась, когда она сказала:

— Ты у меня можешь пожить.

— Нет!

— Почему?

— Это неудобно! — странный вопрос. Очевидно же.

— Да брось. Чего неудобного?

— Ты не одна как бы живёшь. Есть ещё твой дядя. Не думаю, что он будет в восторге оттого, что в его доме живёт посторонний человек.

— Кай сегодня с утра в провинцию укатил. Его как минимум до выходных не будет, — понимаю, что это не самая хорошая идея, но, кажется, у меня нет выбора.

— Сессия на носу, — дожимает подруга. Действительно, со следующей недели у нас заключительная сессия перед первой практикой, и к ней нужно тщательно подготовиться, чтобы меня распределили именно туда, куда мне нужно.

6 Глава

Уже на следующий день после пожара я встретила с Костей Морозовым и, поблагодарив его за спасение моих вещей, в особенности своего старенького ноутбука, забрала их. В груди что-то ёкнуло, когда я взяла свой потрепанный девайс в руки: он был не просто вещью — в нём хранились все мои черновики, конспекты, целая часть моей жизни, которую огонь чуть не стёр в пепел. А также сумку с немногочисленными вещами, рюкзак с конспектами. К счастью, в нём было почти всё.

Разумеется, Костя попросил награду. Впрочем, идя к нему, я ни капли и не сомневалась, что так и будет. Хотя конкретных сроков я не назвала, но на свидание идти мне с ним всё равно придётся.

Костя уже давно уделяет мне знаки внимания. Он не плохой парень. Достаточно симпатичный, разве что для меня уж слишком высокий, под два метра роста. Я ему едва до плеч достаю. А ещё он обладатель роскошной атлетической фигуры, — да чего уж, он чертовски хорош собой!

Казалось бы, что меня не устраивает? Ответ до скрежета зубов прост: у Константина что ни день, то новая пассия.

Ну хорошо, может, тут я немного утрирую, но факт остаётся фактом. Девушки у Морозова меняются часто, и в его заверения, что как только я соглашусь стать его девушкой,

он в ту же минуту при мне удалит из контактов номера всех имеющихся там девушек — ага, так я и поверила! Я всего лишь ещё одна строчка в его длинном списке. Косте всего то нужно поставить напротив галочку, закрыть гештальт, и двинутся дальше.

— Проходи, смотри, — улыбается во все свои тридцать два идеально ровных белоснежных зуба Агата, показывая мне комнату, в которой я буду жить ближайшую почти неделю. Почти неделю — это я так решила, подруга уговаривала меня насовсем, мол, Кай точно возражать не будет, потому что ему плевать!

Но зато не плевать мне, и жить просто так в чужом доме на постоянной основе, боясь сесть или на кухне взять чего лишнего... Ну уж нет!

— Батюшки, да тут плясать можно! — театрально кладу руку на грудь. Показывать своего искреннего восхищения не стесняюсь. — Кровать такая красивая! — восхищённо произношу. Мягкая дутая спинка с большими кристаллами и окантовка вокруг, словно из золота. Хотя не удивлюсь, если это оно и есть.

Над головой по обе стороны довольно симпатичные бра, по бокам — прикроватные тумбы и мягкие белоснежные ковры на полу.

Вся комната оформлена в светлых тонах. Стены, мебель, только шторы тёмно-серого цвета, и они достаточно гармонично контрастируют с остальным интерьером.

— Тут гардеробная, — подходя к одной из дверей, открывает её подруга.

— Ну, мне не пригодится! — показываю подруге на свою небольшую сумку.

— Так можем тебе что-нибудь из моих вещей выбрать. Я, конечно, повыше тебя буду, но всё равно думаю, многие вещи...

— Ещё слово, и я уйду! — пресекаю почти грубо.

Агата первая проявила инициативу к нашей дружбе. Признаться честно, я не хотела с ней сближаться, хотя она мне очень нравилась с самого начала. Такая искренняя, открытая. Как позже выяснилось, только со мной.

На тот момент меня дико смущала, да и сейчас смущает разница в статусах. Агата — богатая мажорка, и я прекрасно знаю, что её друзья — не те, что в институте, а те, которые на дне рождения её были, — держат меня за нищевородку и искренне считают, что с Агатой я дружу только из-за денег.

Поначалу мне было как-то не по себе от косых взглядов и шушуканий за спиной, но буквально пара коктейлей всё решили. Мне просто стало плевать на их мнение, и всё!

— Пижаму-то хотя бы возьмишь? — Агата явно расстроилась.

— Пижаму возьму, — смягчаюсь я. А следующее и вовсе с улыбкой произношу: — И футболку с шортами возьму, по дому ходить, или лосины какие-нибудь.

— Да, конечно. Идём в мою комнату, — снова немного

оживилась подруга.

На самом деле, я могла бы и обойтись. У меня есть спортивный костюм. Спасены мои джинсы и целых два пуловера, но, во-первых, в пуловерах по дому ходить я спарюсь, а во-вторых, я и так не знаю, как уже распределить свои отложенные деньги, чтобы купить самое необходимое. Я уже потратила несколько тысяч, покупая туалетные принадлежности и нижнее бельё. На химические средства для уборки комнаты тоже потратиться пришлось. В общем, пока о покупке новых вещей можно забыть и сберечь то, что есть у меня сейчас.

На удивление, на то, чтобы расслабиться и полностью освоиться в огромном доме подруги, мне понадобилось меньше суток. Уже к вечеру, сидя на мягком диване перед огромным плазменным телевизором, мы, поедая чипсы с колой, рвали животы от смеха, смотря новую американскую комедию с Адамом Сэндлером.

Следующий день был похож на предыдущий. Разве что мы в дополнение немного в бассейне поплавали, а вот третий день начался с того, что мы проспали универ!

Перед сном мы долго смотрели смешные видеоролики и уснули вдвоём на моей кровати. Не знаю, как мы умудрились обе не услышать будильник, но сейчас бестолково смотрели друг на друга, в попытке включить каждая свою голову.

Агата побежала в свою комнату, я помчалась в ванную, наспех приняла душ, почистила зубы и причесалась.

Да уж, всё-таки мне придётся потратиться на одежду, по-

тому как надевать вчерашний свитер мне безумно некомфортно, пусть он и чистый. Запрыгиваю в джинсы, хватаю рюкзак и спускаюсь на первый этаж.

Уже у края лестницы торможу, заметив высокого крепкого мужчину. Кажется, он только вошёл, потому как по-хозяйски снимал с себя пиджак, и по тому, как обыденно он бросал его на спинку дивана, я поняла, что это совсем не гость.

Короткая стрижка, выразительные скулы и довольно чувственные губы. Очень красивый мужчина — зачем-то отмечаю я. Он заметил меня почти сразу, довольно странно посмотрел, отвёл взгляд в сторону, кажется, осмотрелся и снова посмотрел на меня. На этот раз более пристально.

Я узнала в этом мужчине того самого спонсора, что так щедро финансирует наш вуз. По часам узнала. Вот только я этого мужчину ещё где-то видела. Ощущение, что давно, но точно видела, но как бы я сейчас ни старалась напрягать память, вспомнить не могу.

— Здравствуйте, — вообще с мужчинами первая никогда не здороваюсь, но я гостя в его доме, и молча пройти будет неприлично.

Моё приветствие проигнорировали. От понимания этого неприятно засосало под ложечкой. Мужчина неспешно двигается в мою сторону. Неприятное чувство тисками сдавливает грудь, и сердце с каждым мгновением пока он приближался, ускоряло свой бой.

Мужчина остановился всего в шаге от меня.

Возвышаясь надо мною, как мощная скала, мужчина давил своей энергетикой, но не это сейчас смущает. Меня до смерти пугает то, как он смотрит на меня. Взгляд звериный, при этом изучающий. Сложно понять, о чём он думает, но уверена: хороших мыслей в его голове точно нет.

— Что тебе нужно от моей племянницы? — от звучания металлического голоса становится крайне не по себе.

— В каком смысле? — растерянно спрашиваю. — Мы учимся вместе и дружим, — мой голос дрожит, но надеюсь, Руслан этого не слышит. Именно он, дядя моей подруги, сейчас стоит передо мной. Агата, кажется, даже чем-то на него похожа.

— Дочь уголовника учится на юридическом? Очень интересно, — кровь отхлынула от лица, потому что после услышанного я наконец-то узнала этого мужчину. По-настоящему узнала!

Господи. Акиев, Акиевы! Как я сразу не придавала значения этой фамилии? Это же они перевернули всю нашу жизнь! Они лишили меня семьи. Я тогда ребёнком была. Руслан — молодым парнем. Он приезжал с несколькими мужчинами на трёх машинах. Именно с ними уехал папа, и я больше его не видела. Мы не видели. Лишь в пятнадцать лет я узнала, что мой любимый папочка сидит в тюрьме. Тогда же я узнала причину.

— Это был несчастный случай, — теперь уже еле слышно лепечу. Как бы то ни было, случившееся оставило на нас всех

свой отпечаток.

Да, это был несчастный случай, но это совсем не значит, что мы «отряхнулись» от произошедшего и жили все эти годы, не вспоминая ту жуткую историю.

Да, пусть я о ней узнала слишком поздно, но тётя Роза в пьяном угаре так точно описала тот злополучный день, что, мне кажется, я была там. Рядом с папой. Собственно, тогда я и загорелась мечтой стать адвокатом. Моему отцу дали не просто максимальный срок. Ему его необоснованно превысили. И даже его он уже отсидел, но всё равно почему-то ещё не на свободе. И в эту секунду старая боль, которую я столько лет пыталась запихнуть подальше, вдруг снова встала поперёк горла, мешая дышать.

— Сегодня же найдёшь предлог и свалишь из моего дома! — доносится грубый голос, как сквозь призму. — И не смей ничего говорить Агате! — мужчина обходит меня, очевидно, намереваясь уйти. На пару мгновений теряюсь. Что он вообще о себе возомнил? Кто он такой, чтобы разговаривать со мной в подобном ключе?

— Я тут по приглашению подруги! — развернувшись, едва ли не сквозь зубы проговариваю в спину Руслана.

Разворот на сто восемьдесят градусов и шаг ко мне. Он становится слишком близко. Пульс от страха стучит в висках, но я упрямо стою и не двигаюсь.

— Мне похуй! — произносит в считанных сантиметрах от моего лица. — Узнаю, что трёшься где-то рядом с ней, не по-

здоровится, — вместо страха теперь во мне поднялась невероятная злость. Сжимаю кулаки, размышляя над тем, чем мне ему ответить. Матом или просто в рожу плюнуть.

— Руслан? — слышу голос Агаты за своей спиной. — Ты же до понедельника в командировке должен был быть.

— Сделка сорвалась, — говорит почти с безразличием, но что-то мне подсказывает: ему доложили о том, что я в его доме, и именно по этой причине он здесь.

— Понятно, — безразлично пожав плечами, отвечает Агата. — Это моя подруга, она...

— Мы уже познакомились, милая, — со своей племянницей Руслан говорит куда мягче. — Она уже сообщила мне о том, что уезжает.

— В смысле? — подруга резко поворачивает голову в мою сторону.

— Да, Агат, — подхватываю я после секунды замешательства. Не стоять же, обтекая перед этим невежей. — Мне тётя Роза позвонила. Просит срочно приехать.

— Что? Почему? Что-то случилось?

— Понятия не имею, — пожимаю плечами и стараюсь, чтобы мой голос казался максимально спокойным.

— А как же пары?

— Я сразу после пар! Сейчас вещи захвачу и поехали, — развернувшись, я иду за вещами, но до меня доносится голос подруги:

— Ты её что, прогнал?

— Нет, конечно. Как я мог, она же твоя гостья!

— Руслан... — дальше я уже не слышала.

7 Глава

Как же паршиво я себя чувствовала сейчас — не передать словами.

Уверена, Руслан, провожая нас, намеренно громко велел водителю, после того как тот отвезёт меня с Агатой в университет, сделать дезинфекцию салона.

Я бесцельно смотрела в окно. Середина весны, и без того всё вокруг серое, да ещё и мерзкая пасмурная погода нагнетает. Довольно прохладно, и сегодня уместнее было бы надеть пальто на подстёжке, но оно сгорело.

Мысли снова утекли к собственным проблемам, и я даже не заметила, как думать забыла про родственника своей подруги. Первая пара — философия.

— Декан нас сейчас в щепки разнесёт.

— С чего ты взяла? — витая в собственных мыслях, не сразу понимаю суть сказанного. — А-а... Да нормально всё будет! — мы обе достаточно быстро перебираем ногами, несясь вперёд по коридору к нужной нам аудитории.

О том, что декан является моим дядей, я никому не говорю. Чтобы пересудов не было.

Агата, конечно, вряд ли стала бы болтать на эту тему, но мы со Львом Андреевичем заранее договорились не распространяться о нашем родстве.

Дверь немного приоткрыта, но мы всё равно стучим. От-

вета не следует, и мы с Агатой, не сговариваясь, синхронно, как два суслика, вытянув шеи, заглядываем внутрь. Суета и гул стоящий от шёпота дают понять, что декана в аудитории нет.

Чуть приоткрыв дверь, мы уже более уверенно заглядываем внутрь.

— Вы обалдели, что ли? — первой замечает нас наша староста, Катя. Та самая, что прикрывала нас, когда мы ездили на вечеринку.

— Быстрее входите. Профессор пять минут перерыва дал и вышел.

Вот и чудненько. Знаю, что Лев Андреевич нас не прогнал бы, но я бы чувствовала себя неловко, потому как он крайне редко снисходительно к опоздавшим относится.

Всё зависит от того, на какое время ты опоздал, но в девяноста пяти процентах случаев отправляет гулять дальше, а на следующую лекцию обязательно спрашивает по пропущенной теме. Причём с особым пристрастием. Так что философию без уважительной причины у нас не пропускают, не только потому, что её декан ведёт.

Быстренько взбегаем по ступеням вверх, к последним партам, намеренно садимся чуть поодаль друг от друга, чтобы стать менее заметными, и, достав каждая свои конспекты, теперь выдыхаем.

Правда полностью отдышаться не успеваем, потому как возвращается преподаватель.

— Итак, на чём мы закончили?

— Вы говорили о том, что только спустя триста пятьдесят лет обвинение Джордано Бруно в ереси было аннулировано, а сам учёный реабилитирован в Ватикане, — наша Катюша, как всегда, блещет.

Я улыбаюсь, потому как эту тему знаю и радуюсь, что не придётся переписывать конспекты.

— Спасибо, Катерина. Итак, в основе его исследований лежала гелиоцентрическая система Николая Коперника...

Лев Андреевич заприметил нас с Акиевой почти сразу, посмотрел на меня пристально, немного сощулив глаза, я же в ответ, лишь поджав губы, повела немного плечами, мол, не знаю, как так вышло.

В целом мы с Агатой довольно добросовестные ученицы, поэтому на то, что декан настолько снисходительно отнёсся к нашему опозданию, к счастью, никто не удивился.

Вторая половина лекции прошла достаточно быстро. А на следующую пару я уже шла одна. С больничного вернулась Камила Дашкова, ещё одна мажорка с нашей группы, и она отобрала у меня Агату.

Камила не так давно перевелась к нам, и по правде сказать, они с Акиевой хорошо общаются и часто тусуют вместе. Также по магазинам ходят и светские новости обсуждают.

Агата говорит, ей не особо это интересно, но в теме быть нужно. Возможно так и есть, я не вникаю особо если честно. У богатых свои причуды.

Агата говорит, мол, с Камиллой только моду и салоны обсуждает. Сплетни разные там. А в остальном она только мне может доверять и вообще ей со мной интересно. Но на деле я вижу, они дружат и довольно близки друг с другом. По крайней мере со стороны так выглядит. А в нынешней ситуации оно и к лучшему.

Отсутствие рядом Агаты позволило мне ещё раз всё хорошенько обдумать. Я имею в виду наш утренний разговор с её дядей. Если после его слов, когда он сказал, чтобы от Агаты я держалась подальше, я мысленно ответила ему: "Да хренушки с макушкой тебе, злобный засранец!" То сейчас, сидя за столиком в буфете, помешивая пластиковой палочкой отвратительный кофе из автомата, я думала о том, что мудака-Руслан прав.

Я же с самого начала знала, что наша дружба с Агатой не продлится слишком долго. Косые взгляды её друзей в мою сторону не только меня волновали, хотя она и уверяет меня в обратном. Я не могу обедать с Агатой в кафе и ресторанах, вот сейчас как раз она на машине Камилы рванула в какое-то пафосное место для обеда, а я, перекусив капустным салатом, пью пережаренный кофе.

Но даже не в том дело, чего я могу себе позволить, а чего нет... Хотя... Нет. По большей части в этом! Сейчас я вообще себе ничего лишнего позволить не смогу.

У меня совершенно пустая комната на окраине города. Для начала мне хотя бы извёстку купить нужно и выбелить

стены. Ну ладно, это мелочи. Надувной матрас нужно себе купить, это важно. Спать же на чём-то я должна.

А ещё хотя бы пару комплектов постельного белья и стол, чтобы кушать и чтобы заниматься было на чём. Может, на Авито стол посмотреть? Там, если повезёт, можно и даром найти. Тогда мне придётся заплатить только за доставку.

Да, было бы здорово.

Заполняющий буфет народ отвлекает меня. Я пришла одна из первых и успела насладиться одиночеством. Не допив остывший кофе, беру в руки рюкзак, намереваясь выйти, но меня тормозит знакомый голос.

— Мира, стой! — оборачиваюсь. — Привет.

— Привет, Кость.

— Чего грустная такая? Акиева решила заменить тебя более выгодной подругой?

— Глупости не говори! Костя жестом показывает в сторону окон, и я послушно перемещаюсь к ним вслед за парнем.

— Ну да, извини. Действительно глупость сморозил, — говорит почти виноватым тоном. — Слушай, я вообще чего хотел... — Костя — обаятельный гад, и невозможно сдерживать улыбку, когда он вот так вот, пристально глядя в глаза, большим пальцем проводит по своей нижней губе, чуть отодвигает её в сторону. Этот жест ему очень идёт, но вместе с тем этот же жест немного раздражает.

Костя — он Казанова, и иногда у меня такое чувство, что в его огромной коллекции только меня не хватает, а ему даже

не то чтобы хочется, ему очень надо, иначе «проект» не будет закрыт.

Хотя, может, это его настойчивость наводит меня на подобные мысли. Он же с самого первого курса ухлёстывает за мной. Поговаривают, что страшает моих потенциальных ухажёров, но я лично этого не замечала ни разу.

— Чего же ты хотел? — спрашиваю, так как Костя замолчал, отвлёкшись на рукопожатия с двумя парнями с параллельного потока.

— Я слышал, тебя из общаги турнули?!

— Не хватило мест! Так-то четыре комнаты сгорело, — вздохнув, поправляю рюкзак, что так и намеревался сползти с плеча. — Хотя чего это я? Выгнали, конечно.

— Ну вот! У меня тётка за бугор сваливает. Квартиру пока продавать не хочет, я уже поговорил с ней, так что...

— Стоп, Кость. Тормози! — моя улыбка стала ещё шире и теперь более искренняя. — Спасибо большое тебе, но я уже нашла жильё.

— Да ладно. Так быстро? Кучу бабла, поди, выложила рейтарам.

— Да нет. Мне наша Валерия Игнатовна сдала комнату.

— Да ладно? Серьёзно? Мне казалось, она тебя недолюбливает.

— Она всех понемногу недолюбливает. Так что...

— Комната в коммуналке?

— Прочти. Квартира на два хозяина. В одной комнате я.

— Соседи, сто пудов, алкаши какие-нибудь?

— Нет. Обычные люди. Глава семейства, по крайней мере, мне показался вполне приличным человеком.

— Но, блин. Тут-то двушка, и всего в десяти минутах от универа. Я по пути смогу тебя каждое утро подвозить, — не удержавшись, расхохоталась.

— Чего?

— А потом будешь ехать обратно домой, досыпать?

Дело в том, что Морозов едва ли не каждый день приезжает только ко второй паре.

— Спасибо, Кость, но комната, которую мне сдала Валерия, очень хорошая, — вру парню, глядя в глаза. — Но тебе огромное спасибо за заботу.

— Не за что, — Морозов явно расстроился немного.

— Идём, а то на пары опоздаем! — всё так же с улыбкой говорю, намереваясь начать движения в сторону выхода.

— Я ещё с парнями на пару минут задержусь, — отвечает Костя.

— Хорошо, как хочешь, — делаю шаг от парня.

— Постой, а что со свиданием?

— Я же сказала тебе — после сессии!

— Окей.

Сегодня, сразу после пар, у меня смена в кофейне, и этому я несказанно рада, потому что я намерена попросить нашего админа позволить мне остаться ночевать в подсобке.

8 Глава

К моему несчастью, Люся, администратор, с которой я дружу, заболела, и вместо неё сегодня была Тая. Она у нас вроде как зам, и с Таисией отношения у нас складываются не столь удачно.

Девушка вроде как родственница хозяйки нашего кафетерия и поэтому порой включает «суперначальницу», соответственно, просить её о том, чтобы остаться на ночь в подсобке, я даже не подумаю.

Смена проходила как обычно. Народу не слишком много, но на удивление я за три часа заработала почти две тысячи чаевыми. Уже ближе к закрытию, когда я протёрла столики в зале, задвигала стулья и наводила порядок на стойке, наконец соизволила выйти моя напарница.

— Чаевые в конце смены пополам! — вполне командирским голосом объявляет Женя.

Она новенькая у нас и, по идее, должна вместе со мной стоять за стойкой. Но под предлогом помочь на кухне, а на деле покрутить хвостом перед нашим красавчиком-кондитером, Евгения ещё в начале смены покинула меня.

Наивная. Она же не знает, что Тимофей — гей. В целом никто не знает. Я случайно застучала его, целующегося с каким-то парнем на заднем дворе нашего кафетерия. Он взял с меня слово, что я никому не расскажу, хотя я и не собира-

лась. Оно мне надо?

— Чего ради? Ты ни одного клиента сегодня не обслужила, — разумеется, так обнаглела она только потому, что Тая из своего кабинета вообще не вылезала сегодня. Хозяйка возвращается из Польши, вот наша фурия и подчищает косяки в документации.

— И что? Вообще-то, правилами оговорено...

— Что оба баристы делят поровну между собой чаевые, и неважно, у кого сколько, — перебиваю я Женю. — А у тебя нисколько, потому что ты сегодня не работала! — отвечаю немного дерзко. Хотя почему дерзко? В тон ей.

— Я на кухне помогала и... — перезвон колокольчиков известил о приходе клиента. Высокий, полноватый... хотя нет, скорее перекаченный... да, качок натуральный!

Мужчина представительского класса, в дорогом синем костюме, не отрывая взгляда от экрана телефона, проходит вглубь зала и, отодвинув ногой стул, садится за один из дальних столиков.

Я уже хотела сообщить, что до закрытия осталось десять минут, но в этот момент он поднял голову, и по коже моей пронёсся озноб.

Калинин, Родион... Павлович, если мне не изменяет память. В криминальных кругах он больше известен как Палач — ну да, Павлович, получается. И даже я знаю, что говорить ему что-то, что ему может не понравиться, нельзя.

В прошлом году мы, девочки, отмечали окончание перво-

го курса в одном из клубов. Очень весело проводили время, много смеялись и танцевали. Время близилось к двум ночи. Нас осталось всего пятеро на тот момент. В общем-то, и мы уже собирались уходить, но к нам подошли двое «из ларца», что называется.

Двое огромных детин. Они не предлагали — нет. Они настоятельно рекомендовали нам подняться наверх, чтобы скрасить досуг очень влиятельным мужчинам, и показали нам в сторону этих самых... впрочем, я там только двоих рассмотрела из шести человек. Возрастного, но очень бодрого мужчину, не знаю чем, но он буквально притянул к себе мой взгляд, и рядом, пожалуй, только мельком я увидела как раз Калинина.

Ещё эти парни, которые пришли по наши души, ясно дали нам понять — это не приглашение, тем более не просьба. Просто пройдёте и не переживайте, красавицы, вас отблагодарят.

Как же я тогда перепугалась. Просто жуть. Я не дышала. От страха поджилки тряслись так, что подо мною стул шатался. Я не знаю, чем бы всё закончилось, если бы с нами не было Агаты.

— Я Агата Акиева! Дочь Артура Акиева и племянница Кая, — громко заявила она. — Если вашим хозяевам не живётся спокойно, то мы, конечно, можем скрасить *их* досуг.

Я думала, подобное только в кино бывает. Лица мужчин не просто побледнели, они стали каменными. Не говоря ни

слова, те двое развернулись и ушли, а нам что-то веселиться совсем расхотелось, и мы быстро ушли.

Кстати, надо сказать, что с того дня я ни разу в клуб не ходила, но потанцевать мне жутко хочется. Нужно будет брать время и в студию хотя бы сходить.

Позднее Агата рассказала мне, кто были эти люди. Она обмолвилась, что даже её отец старается держать с ними нейтралитет, просто потому, что они небезопасны, особенно тот седой мужчина. Имени она его не знала, но зовут его в тех кругах «Чтец» — странное, конечно, прозвище.

А ещё меня в тот момент раздирало любопытство: кто отец Агаты и где он? Я знала уже тогда, что Агата живёт вдвоём с дядей.

— Кофе чёрный, без сахара, — подпрыгиваю на месте от хриплого голоса мужчины. — Только не эти помои из машины, — кивает в сторону кофемашины.

— У нас кофе в кофеварке варят, — говорит Женя, причём не очень вежливо. — И вообще, мы...

— Какой предпочитаете: арабика, либерика, робуста?

— Покрепче, чтобы взбодриться, — судя по тому, что мужчина достал из кожаного портфеля, который принёс с собой, какие-то бумаги, он собирался задержаться.

Киваю, хотя он этого и не видит, и быстрым шагом иду в сторону кухни.

— Я как бы домой уже планировала, ты чё его не прогнала? — побежав за мной на кухню затараторила Женя.

Я достала с полки турку и поставила её на плиту. В кофемолку засыпаю свежие зёрна, нажимаю на кнопку пуск.

Я не слышала, что ещё говорила мне Женя, да в общем-то, и не хотела слышать. Я молча продолжала превращать кофейные зёрна робуста в мелкую крошку.

— До закрытия две минуты. Ты не успеешь выпить кофе, Мира.

— Я не себе! — отвечаю Тае, что уставшая и злая вышла из кабинета.

— У нас посетитель.

— В смысле? Вы что, не сказали, что мы до девяти работаем?

— Я сказала! — уверенно и очень услужливо чеканит Женя. — Но Мире же на правила плевать.

То, каким взглядом одарила Тая выскочку Евгению, нужно было видеть. Мне как бальзам на душу. Не то, чтобы я как-то предвзято относилась к этой девушке, нет. Даже то, что она попросила поделиться «халявушкой», меня не особо тронуло. Скорее, это её личностный конструкт, черта её характера. Не люблю людей, которые со всеми ведут себя по-разному. Кому нужно — подлизнут, кому не нужно — нахамят.

Тая приоткрыла дверь, ведущую в зал. Судя по тому, как девушка напряглась, выпучила глаза, а затем с застывшим каменным лицом вернула весь свой корпус обратно, снова подошла ко мне.

— Калинин? — голос девушки заметно просел.

— Он раньше у нас бывал?

— Нет, конечно. Наше заведение для него — это едва ли не клоповник! — поворачиваю голову, смотрю на Таисию непонимающим взглядом.

У нас очень приличное заведение. И не просто очень чисто, у нас дорогие столы и не пластиковые стаканчики, а хорошая, дорогая посуда, и сам кофе у нас отборный. Я уже полтора года работаю здесь, и ни одной жалобы.

— У нас даже депутаты кофе себе покупают! — едва не с возмущением отвечаю.

— Ты про Донцова?

— Ну.

— Во-первых, он живёт рядом. Ему по пути. К тому же у нас лучший кофе в районе, если не во всём городе. Во-вторых, Донцов — друг Симоны Генриховны.

— И?..

— Да права ты, права. Хорошо, перефразирую. — выдыхает девушка косясь через небольшой дверной просвет в зал. — Мелковаты мы для таких, как он.

— Ну, так бы сразу и сказала, — кофе начало закипать и, наконец, поднялась нужная мне "шапочка", убавляю огонь, жду пару секунд, выключаю плиту.

— Ты его откуда знаешь?

— Я его не знаю! Вернее, не знакома с ним лично, просто знаю, кто он.

— Ясно, — делает паузу, после чего выдаёт.

— Ты молодец, — говорит тихо. Почти шёпотом, и это едва ли не первая похвала из уст Таисии в мой адрес.

Женя от любопытства вытягивает шею, в надежде расслышать то, что мне сказала старшая смены. Выглядит смешно.

— Евгения, ты можешь идти. — Командует Таисия. — Мирослава, если тебе нужно, отнеси кофе и тоже...

— Я нормально, Тай. В смысле, останусь. Мне всё равно на вокзал сегодня идти ночевать, — прикусываю кончик языка, до привкуса металла. Вот идиотка! И почему я порой язык за зубами не могу держать?

— В смысле?

— Тараканов в комнате травили. Мне сегодня, жить негде. Завтра к вечеру только смогу домой вернуться. — Ну чего уже шифроваться.

Переливаю кофе из турки в дизайнерскую чашу. Пока горячий, нужно унести. Таисия понимает это, отходит в сторону, даёт возможность мне пройти.

Зато в дверях едва не сталкиваюсь с Женей. Как только Тая сказала, что она может быть свободной, она тут же за чем-то помчалась в зал. Немного подрагивают руки, вдох, пытаюсь успокоиться.

Неспешно ступая по белоснежному кафелю, медленно приближаюсь к мужчине. Максимально аккуратно поставив чашку на стол, чуть в стороне, чтобы, не дай бог, не пролить кофе на разложенные по всему столу документы.

Мужчина, не отводя взгляда от, очевидно, действительно очень важных бумаг, тянется за чашкой, подносит её к губам. Пара мгновений — глоток.

Всё же вздрагиваю, когда мужчина, оторвав взгляд от каких-то там, совершенно непонятных мне графиков, что так внимательно разглядывал мгновение назад. Сейчас мужчина смотрит на меня в упор, переводит взгляд на чашку с кофе, которую по-прежнему держит в своей руке, и вновь на меня.

Я не дышала в эти секунды, которые казались мне вечно-стью. От этого едва не задохнулась.

— Это, блядь, что? — меня мгновенно прошиб озноб.

9 Глава

— Робуста, — произношу крайне неуверенно. Мужчина хмурит брови, смотрит пристально, и я от страха делаю шаг назад.

Родион отводит взгляд, сводит брови на переносице и снова делает глоток кофе, на этот раз смакует его.

— Вы просто сказали, вам взбодриться нужно. Ну, я так вас поняла, — говорю негромко, чуть сбивчиво. — Простите, я...

— Расслабь булки, красавица. Наоборот, вошёл сюда только потому, что срочно бумаги просмотреть нужно. Я был уверен, что Жарская преувеличивает, расхваливая свою кофейню. Признаюсь... — мужчина прочищает горло, явно хотел ругнуться. — Под впечатлением я.

Казалось бы, всё хорошо и действительно можно и успокоиться, но мужчина снова смотрит пристально, теперь изучающе.

— Сколько лет? — внутренности сковывает льдом. Снова небольшой шаг назад, глаза в пол и отрицательно качаю головой.

Негромкий раскатистый смех постепенно нарастает. Становится дико неловко. Кажется, я окончательно растерялась, но мужчина замолкает, на губах едва заметная полуулыбка и взгляд. Он больше не пугает меня.

— Неглупая. Молодец!

"Да как бы тут сложно не догадаться, вообще-то". Мысленно говорю сама себе. Зачем бы ему интересоваться моим возрастом, если не рассматривать в качестве баловства на ночь или ещё чего похуже. Чего на самом деле, не представляю, даже скорее это просто пролетающие мысли в моей голове.

— Учишься?

— Да.

— Где?

— На юридическом.

— Хм. Будущий товарищ прокурор, значит, — не понимаю, спрашивает или утверждает, но в голосе явные нотки безразличия.

— Нет, — снова отрицательно мотнув головой, отвечаю. — После окончания вуза адвокатуру отдельно заканчивать буду.

— Неплохо! — поджав губы, похвально кивает. — И как? В смысле, учишься?

— Пока всё отлично. Я стипендиатка.

— Стипендиатка? — снова хмыкает. — Молодец! На будущее нужный человек.

Не знаю, что ответить, просто в упор смотрю на мужчину и дышу через раз.

— Через полчаса повтори, — кивает на чашку с кофе. — Свободна! — сказано уже снова тем же жёстким тоном и

с совершенным безразличием.

Вернувшись на кухню, сообщила Таисии, что гость уходит не планирует, и вернулась за стойку. Чтобы не скучать, решила пока прочистить кофемашины и протереть витрины. На всё про всё у меня ушло не более пятнадцати минут.

Коробочка с чаевыми стояла под столешницей. Я потянулась к ней, убрала крышку, и мои брови поползли вверх.

— Вот же образина редкостная. Да чтоб тебя псы подрали! — прикусываю язык. Я же девочка, — напоминаю себе. Я дала себе слово перестать материться. Я будущий юрист, ой, — адвокат. Я будущий адвокат, и мне нужно быть культурной.

Вдох — ещё вдох.

— Да грёбаное ты конопатое чудовище! — стиснув зубы, шиплю я. — Чтоб тебя бомжи в подворотне...

— Ты чего? — едва не подпрыгнула на месте от испуга.

— Прости, Тай. Громко ругалась, да? — моментально краснею, смотрю в сторону гостя. Вдруг я действительно сказала не так уж и тихо, и меня мог услышать Калинин. Но это вряд ли. Он сидит на приличном от меня расстоянии.

— Негромко. Что, Евгения, чаевых опять себе больше захпала? — жаловаться не люблю, но что ответить не знаю. Просто киваю.

— Я косарь восемьсот заработала, а эта мартышка мне только пятьсот рублей оставила, представляешь? — Таисия смотрит своим фирменным «да мне как-то...».

Снова становится неловко. Который раз уже за вечер.

— Извини, — говорю, отворачиваясь. Обидно до слёз. Прикусываю нижнюю губу, разумеется, не плачу.

Таисия ничего не отвечает, проходится взглядом по залу и снова скрывается за дверью кухни.

Сварив порцию нового кофе, я отнесла чашку Калинину и, вновь тихонько поставив её рядом с ним, молча удалилась.

— Время час ночи, — бурчала уже всерьёз клюющая носом Тая. — Он сваливать собирается вообще или нет?

— Если я правильно поняла порядок, по которому он бумаги раскладывает, ему немного осталось. Думаю, это последняя чашка кофе.

— Шестая, да?

— Седьмая, — отвечаю я, вымученно улыбаясь. Ни один клиент такое количество кофе при мне не пил.

Мы в турке кофе вообще не варим. Я иногда для себя разве что, ну и в редких случаях, если сам клиент просит. Многие говорят, что нет разницы во вкусе, а я считаю, она колоссальная. В турке и аромат, и вкус наиболее выраженный.

Гость ушёл во втором часу ночи. За время, пока он был в зале, я в общих чертах рассказала Тае о том, почему я оказалась практически на улице. Это впервые, когда мы поговорили настолько, можно сказать, по душам.

Вообще, подобное совсем не про нашего сурового «зама». Тем более для меня стало неожиданностью то, что она предложила мне переночевать у неё эту ночь. К тому же живёт

она совсем рядом. Буквально минут десять ходьбы.

— Ты одна здесь живёшь? — задаю вопрос, как только мы переступаем порог небольшой, но очень уютной однокомнатной квартиры.

— Жила бы одна, на завтра бы тоже тебя приютила, — мне становится неловко. На самом деле я призналась ей, что хорошо бы и завтра ещё ночь где-то остаться. Чтобы наверняка и не отравится парами отравы для тараканов.

Тон Таисии немного резок, но, думаю, это усталость скаывается.

— Соседка сегодня в ночную. Придёт завтра, часам к десяти, а может, и позднее.

— К этому времени я уже уйду, — стараюсь выдавить улыбку.

— Не переживай. Спи, сколько влезет, я так поняла, тебе же ко второй паре только?

— Угу.

— Моя Ритка с виду только мегера злая, а так мировая девка. Она не то, что слова тебе не скажет, косо не взглянет.

— Хорошо, — на этот раз улыбаюсь вполне искренне.

— В душ пойдёшь?

— Да, если можно.

— Давай, только быстро. Я пока перекус небольшой сварганю нам с тобой, потом тоже ополоснусь и спать.

Я была благодарна Тае за гостеприимство. Вчера ночью Таисия приготовила салат, а сегодня утром она напоила меня

чаем и сделала тосты. Так приятно, оказывается, когда кто-то что-то делает для тебя. Для кого-то это мелочь, возможно, но не для меня.

Я с самого детства привыкла всё тянуть на себе. Не только в плане найти способ подработать на собственные нужды, одежду, канцелярию в школу и прочее.

Подростком редко давали работу, но мне как-то везло что ли! Также и на еду нередко приходилось работать, а бывало, и за еду. Это особенно болезненное для меня воспоминание.

Унизительно, когда ты подростком приходишь к частнику в его затхлый магазин, весь день драишь его до блеска, стираешь руки в кровь, молишь бога, только бы перчатки не порвались, когда выносишь мусор, потому что других нет, а без них высока вероятность занести инфекцию в мелкие трещинки на пальцах.

Трещины на руках образовывались от нехватки витаминов, потому что питалась я откровенной хренью: китайской лапшой и консервами. Нормальной еды, особенно в последние три года, пока я жила... — нет, не так. Пока я выживала уже с натуральной алкоголичкой, у которой теперь, напротив, по три недели запой, и всего два-три дня даже не трезвой жизни, а жёсткого похмелья, отходняка. А потом по новой.

И вот в формате такой вот жизни. — Хотя какой, к чёрту, жизни! Собаки на помойках лучше живут. Им хотя бы за милую мордашку иногда добрые люди кусок хлеба дают.

А вот мне тогда вместо оговорённой оплаты, на которую я

очень рассчитывала, дали ящик продуктов, половина из которых давно просроченные были.

Когда я шла домой с тем мятым ящиком, мне казалось, что все прохожие без исключения смотрят на меня, и каждый знает, что я, пропахав весь день, получила за это бутылку растительного масла, которая к тому же где-то подтекала, две пачки макарон, как раз таки с истёкшим сроком годности, пачкой гороха и, как приятный бонус, печенье «Топлёное молоко». На него явно наступили, потому что вряд ли, если бы оно просто с полки упало, могло раскрошиться до такой степени.

И вот, завтракая, я ловила себя на мысли, что как бы я ни хорохорилась, ни убеждала себя в том, что сама со всем справлюсь и никто мне не нужен, я хочу хоть иногда вот так вот сидеть, и чтобы мне кто-то уделял внимание.

Я набрала сообщение Кости Морозову. Очень короткое: «Я согласна!».

10 Глава

Костя столько раз предлагал мне стать его девушкой, что не последовало вопросов в разряде "Ты про что?" или чего-то похожего.

Он лишь написал, что от счастья свалился с кровати, и, судя по тому, что, ударившись локтем о пол, он испытал боль, сообщение ему не приснилось.

Приготовленные Таисией тосты — это некое тепло, от которого веяло частичкой дома. Домом и семьей. Я этого так рано лишилась, что порой те крошки воспоминаний, которые так или иначе воспроизводятся в моей памяти, я принимаю за сон. Тем более мелкие обрывки воспоминаний воспроизводятся, когда я нахожусь в преддверии пробуждения.

Какое-то время возникшую картинку я ещё держу в памяти, но это непросто: если меня что-то отвлечёт, любая, даже самая мелкая деталь — шум в коридоре или за окном — воспоминание тут же уплывает.

Костя встретил меня в фойе нашего вуза с шикарным букетом роз. Это, несомненно, было приятно, но пока что это совсем не то, чего я хочу.

— Целоваться будем? — довольный, как мартовский кот, он смотрит на меня невероятно счастливыми глазами. Неужели я и в самом деле так сильно нравлюсь ему, или это предвкушение победы? Очередная зарубка? Удовлетво-

рение собственного эго?

— Пока перебеёшься, — парень в один момент меняет выражение лица на грустный смайлик. Не всерьёз, конечно, и со стороны смотрится даже мило. — Но в целом можешь понести мой рюкзак! — предлагаю и тут же подаю ему свою поклажу.

— Ты таки решила меня побаловать? — шутит в тон мне, забирая рюкзак из моих рук. Не громко смеюсь. У Кости в целом шутки несколько своеобразные: его бабушки и дедушки из Одессы. В детстве он часто там бывал, и юмор у него вроде таких как «ШО», да «Таки вы выдумываете, Сарачка».

Я пока не настроена на сближение с Костей. Я про тесные объятия и поцелуи. Пока что я сама не знаю, во что выльются наши отношения. Если Морозов через несколько дней сольётся, не особо я расстроюсь. Но Агата действительно права, и мне хотя бы попробовать стоит.

Чувствовала я себя немного необычно весь день, потому, наверное, что Костя едва ли не строго стал отгонять от меня всех и каждого, мол, не покушайтесь на личное пространство моей девушки. Честно говоря, этим он меня жутко подбешивал.

— Прекрати по сторонам оглядываться, Мира! — мы с Агатой, наконец, только вдвоём, без моего сегодняшнего «хвоста», шли по шумному коридору нашего университета.

— На меня все пялятся теперь!

— Не обращай внимания. Такая новость! Дай людям по-

судачить.

— Какая новость, Агат? Что-то я не помню, чтобы так шушукались кто-либо, когда Димка с Ксюхой встречаться начали, или Инесса с Адрианом.

— Костя, не стесняясь никого, очень долго клинья к тебе подбивал, а ты его отшивала — это раз! — ничего не говорю, мы уже добрались до нужной нам аудитории, остановились около двери. — А Инесса с Адрианом, походу, расстались, — в удивлении приподнимаю бровь. — Ну, помнишь, на дне рождения Дани? Она там с парнем мило так общалась.

— Помню.

— Ну вот, она вроде как переспала с ним. Ну, с тем парнем. Адриан как-то узнал об этом, в общем...

— Ясно. А ты, я так поняла, снова с Селивановым сблизилась?

— А мы и не разделялись как бы! — ирония и ухмылка в её голосе меня задевает. — Наоборот, он так искренне переживал, что мы с тобой могли остаться на вечеринке и выпить тот коктейль, от которого у всех башка поутру трещала, — плотно стискиваю челюсть. Злюсь. — Ты зря на него наезжаешь, Слав.

— Где я на него наезжаю? — приподняв брови, искренне недоумеваю.

— Ну, не наезжаешь, но ты постоянно недовольна им.

— Да мне вообще на него плевать! — на ровном месте завожусь я. — Ты надела розовые очки и закрыла уши, не

видишь и не слышишь очевидного. Он вчера зажимал Королёву.

— Не смей говорить со мной подобным тоном! — сейчас меня поражает не тон подруги, а её взгляд: надменный, запредельно высокомерный. — Ты закомплексованная нищесбродка, и Морозову ты на хрен не упала, красивая мордашка на пару перепихонов, не более. Ему родители давно уже невесту нашли, и следующей осенью у него свадьба с девушкой из очень обеспеченной семьи, его круга, понимаешь?

— Да неужели?! — усмехаюсь. Тщательно маскирую то, как сильно мне сейчас хреново от её слов? — Не ты ли говорила мне, что Костя искренен со мной, что я должна ему дать шанс?

— А ты говорила, что хочешь один раз и навсегда. Если по-прежнему так считаешь, то поищи себе равного. Макеева, например.

Последние слова Агаты ударили по мне особенно сильно. И это не потому, что Никита полный и у него всё лицо в угревой сыпи. Не этим она меня задеть хотела. У нас много парней из обычных семей, но она решила, что и их я недостойна. Никита, как и я. У него нет родителей, и его воспитывала не тётя, конечно, а бабушка. И он так же, как и я, из грязи пытается выбраться.

Агата вообще считает Никиту Макеева пылью под ногами. Не говорит этого напрямую, но я видела то, с какой неприязню и брезгливостью на него смотрит.

И да, у меня были мысли, что и меня Агата, с высоты своего — нет, не статуса, с высоты своего финансового положения, — она и меня считает грязной, недостойной себя.

Только вот говорила она мне обратное и сама всё время рядом садилась, разговоры заводи́ла первой, и я как-то потом всё же сдалась. Решила, что именно внешность Никиты отталкивала её.

Просто Макеев, он неприятен ещё и тем, что даже не старается следить за собой, часто приходит на занятия в грязной одежде. От него пахнет кошачьей мочой, и только после замечаний педагогов он на какое-то время снова начинает за собой следить.

— Мне тебя искренне жаль, Агата, — голос против моей воли стал тихим, возможно, даже подавленным, но мне сложно оценивать его из-за внутреннего диссонанса. Развернувшись, я ухожу прочь.

Это впервые, когда я пропускаю пару без уважительной причины. Ссора — это совсем не повод, вот только Агата сумела меня задеть.

Глупая идиотка! Это я про себя, разумеется.

Зачем я доверилась ей? Зачем позволила к себе в душу пробраться? Я же искренне её подругой считала! Действительно поверила в то, что она не рассматривает меня как нищербродку, а в самом деле ценит мои человеческие качества. Доверяет. Просто она такие вещи мне рассказывала, которые даже самому близкому человеку не всегда можно сказать.

Может, конечно, она выдумала всё это, — хотя...

Нет. Она мне правда доверяла, а сейчас её понесло не из-за того, что я ей про её розовые очки сказала. Она разозлилась на то, что я не считаю Данила идеальным. — Смешно!

Вообще не понимаю её вот этого пунктика. Другая бы, наоборот, радовалась, что на предмет её обожания не покушаются, а она злится на то, что я его критикую. Бред какой-то!

Когда я вышла на крыльцо нашего университета, от Агаты пришло сообщение. Я не хотела читать, но взгляд всё же мазнул по строчкам: «Я перегнула палк...» Не читаю. Удаляю сообщение. Номер подруги, теперь уже бывшей подруги. Хочу заблакировать даже, но почему-то этого не делаю. По детски это всё.

С меня хватит. Больше на эти грабли я не наступлю. Агата права. Я не ровня таким, как она. Не в смысле того, что мне в самом деле лучше переключиться на Макеева, но с мажорами я завязываю. С меня точно хватит, и плевать, что обо мне подумает Костя.

— Всё сама, Мирослава. Всё сама!

Я это повторяю себе с самого детства. Никто мне ничего не должен! «Я сама, всё сама». Заработаю себе имя, деньги, положение в обществе, и никто тогда не посмеет сказать мне нечто подобное.

— Чёрт... — усмехаюсь. Всё-таки, как бы я ни пыталась мысленно отрицать, Агата меня порядком задела.

Ступая по тротуарной, местами отколотой плитке, смот-

рю себе под ноги. Серое, плотно затянутое серыми тучами небо говорит о том, что вот-вот начнётся дождь, а значит, мои ноги не просто промокнули, а ещё и замёрзнут, а кроссовки ещё более грязными станут.

Мне нужно где-то спрятаться, переждать, а лучше переночевать. — Твою мать. Ну вот почему я такая невезучая?

— Мирослава? — резко поворачиваю голову на голос незнакомого мне мужчины.

— Да, — седовласый дяденька, лет пятидесяти, одетый в серый строгий костюм, невысокий, немного сутулый, с отросшими взлохмаченными волосами, бодрым шагом приближается ко мне.

— Здравствуйте, Мирослава! Прошу меня извинить, вашего отчества мне не подсказали.

— Сергеевна я, но можно просто Мирослава, — стою, туплю взгляд. Ничего не понимаю, но надеюсь, мне объяснят сейчас, чего от меня нужно.

Из внутреннего кармана мужчина достаёт серый конверт и передаёт его мне. Принимаю его больше на автомате.

— Что это?

— Чаевые, — моё лицо в момент становится хмурым.

— Что? В каком смысле?

— У моего босса вчера не оказалось наличности, но он очень хотел вас отблагодарить.

— Радион Петрович?

— Павлович.

— Ой, — прикусываю язык. — Простите...

— Ничего страшного! — мужчина, видя мою растерянность, усмехается.

— Вы не переживайте, и лишнего себе не надумайте, девочка. Мой босс — человек щедрый. Он просил вас передать. Пусть сумма вас не пугает, — говорит мужчина совершенно серьёзным, даже, можно сказать, деловым тоном. — Вчера вы работали внеурочно, и он успел разобраться с важными документами, и благодаря вашему кофе не заснул. С утра он заключил очень выгодную сделку на довольно серьёзную сумму. И это его благодарность вам.

— А? — всё ещё потеряна я.

— Всего доброго.

— Ага...

Хлопая глазами, наблюдаю за тем, как мужчина, что так и не представился мне, разворачивается и идёт обратно к своей машине. Впрочем, вряд ли своей. Думаю, он просто шофёр Калинина или же работает на какой-то другой должности.

Мужчина садится за руль мерседеса премиум-класса и быстро уезжает. Только сейчас я перевожу взгляд на конверт, который по-прежнему держу в руке.

11 Глава

Руслан.

Какого хуя я ничего не знал о том, что в спонсируемом мною вузе учится дочь ублюдка, который в один день уничтожил всю нашу семью. Причём блядь, не просто в вузе учится, в одной группе с моей племянницей и твою мать, они ещё и дружат!

Это пиздец какой-то!

Когда мне позвонил Глеб и доложил, что Агата притащила в дом с собой подружку, я напрягся.

Агата, девочка у нас непростая. Сложно сходитья с людьми, и мне бы порадоваться за неё, что наконец не одна. Нашёлся кто-то, кто её понимает, а судя по тому, что Агата ещё и в дом её привела, значит доверять начала, ну хоть кому-то.

С другой стороны, чужой в доме — это серьёзно. Отдал приказ нарыть полную информацию. Кто, что, чем дышит?

Несмотря на принятые меры безопасности, я всё-таки попытался заранее настроить себя, — если сейчас выяснится, что там какаянибудь шалупонь, тупо из-за бабла и связей, хуй с ним, с ней вернее. Не буду препятствовать, лишь бы Агата хоть немного раскрылась, пришла в себя.

Это только со стороны кажется, что Агата обыкновенная мажорка. В меру смелая, открытая — ага, не тут то было!

Любая тусовка, любой поход в клуб или длительный шопинг заканчивался, какой-нибудь трешевой хернёй.

В детстве всё равно было проще. Врачи все наперебой говорили, мол, со временем пройдёт. Пережитый стресс очень сильно сказался, но она ребёнок, всё забудет, всё пройдёт.

Нихуя, блядь, не забыла!

Впрочем, может и забыла, но кошмары снятся ей до сих пор, и это не просто кошмары. Она дико орёт по ночам, так что волосы дыбом встают. Вернее, ещё недавно орала.

Ситуация немного улучшилась после того, как Агата поступила в вуз. Где-то через месяца три, четыре я заметил, что племянница не только спокойнее стала. Агата стала со мной говорить на ерундовые темы. Без фанатизма, само собой, но всё же.

Например, однажды, придя после вуза, зашла на кухню где я обедал, и с ходу рассказала мне историю про то, как её одноклассник разбил любимую вазу преподавательницы, и пытаясь убедить её в том, что двигали им неведомые силы и купит он ей две такие же, жестикулируя снёс ещё и картину со стены, что профессорши тоже подарил горячо любимый хер с горы.

Я завис с чашкой чая в руках и смотрел на уже совсем повзрослевшую племянницу, как на инопланетянку.

Как же она хохотала, когда рассказывала мне всю ту муть, из которой я нихуя не понял. И тогда это было впервые, чтобы вот так, сплошным искренним потоком из неё лился

смех.

Я первым делом позвонил лечащему врачу Агаты и попросил приехать.

После нескольких тестов выяснилось, что произошёл резкий скачок. Мы уже ни на что не надеялись, но врач заявила — смена обстановки, общение со сверстниками, новые друзья. Всё это очень положительно повлияло на неё и ведь действительно стало значительно лучше. Перепады настроения всё ещё бывают, но не так часто, как раньше, а бессонные ночи и вовсе сошли на нет.

Бля, да я выдохнул в коем-то веке. Вышел на европейские и восточные рынки. Всего за год бизнес развернул до целой империи. Как и мечтал к своим миллионам, наконец прибавил ещё три ноля.

Не то чтобы у меня был некий пункт по этому поводу. Вовсе нет, но чем ты богаче, тем в большей безопасности ты чувствуешь себя.

На Агату в своё время деньги отлетали пачками. По несколько лямов за месяц, не считая питания, проживания.

Бизнес тогда развивал брат с отцом, я ещё учился, но старался уже тогда активно вникать в дела компании.

После трагедии, свидетелем которой стала Агата, мы мотались по заграницам в надежде исправить положение. Ребёнок в прямом смысле помутился рассудком и горем убитый брат никак не мог прийти в себя. За считанные месяцы у него появилась седина, и выглядеть стал брат старше своего

возраста. Впрочем, это было тогда. Сейчас уже стало значительно лучше.

Возраста брату, в данный момент, разве что всё те же пару седин прибавляют, а в целом он весь в спорте и не питается фастфудом. Впрочем как и я, только я как брат на правильном питании не помешен. Иногда позволяю себе отдых с алкоголем и другими вредностями. Я сейчас про еду само-собой.

Несмотря на то, что бизнес уже в те годы уверенно шёл в гору, лечение Агаты было настолько дорогим, что один хер, зачастую приходилось ужиматься.

Мы искали разные ходы, варианты для того, чтобы увеличить доходы, но выше головы не прыгнешь. Законным путём, так точно.

Артур сделал всё скрытно. Отстранил нас с отцом от основных дел. Сделал нам отдельные направления и каждого наделил властью, сам же ушёл в криминал.

Я поддержал. Поддержал, потому что понимал, если и Агату не вытащить, мы потеряем Артура. — Отец...

Отец, он пытался понять, но он до мозга костей был правильным, религиозным человеком. Сам жил честно, по справедливости, и нас этому же учил.

Он переживал всё внутри себя и ушёл в иной мир рано. Мать практически вслед за ним.

В какой-то момент мы с братом начали въёбывать. Это нам помогало отвлечься, не думать о том что произошло и

меньше переживать за Агату. По первости я пытался влезть к нему. — По молодости жутко интересно было, стрелки, разборки. Манило как-то это меня. Но брат смог объяснить всю важность того, что я в тылу нужен. Если его загребут, то с конфискацией, поэтому все отмытые деньги шли на расширения моего легального бизнеса.

Артур как в воду глядел. Его не подвела интуиция, и два года назад его закрыли. Всё это едва ли не формальность, конечно же. Камера с чистыми стенами, уютной кроватью, телевизором и интернетом. Если нужно на волю, есть и такая возможность, но понятное дело, это если слишком сильно надо.

На момент, когда мне отчёт прислали о «подруге» племянницы, я находился в пяти тысячах километрах от дома. Я едва зубы себе не переломал, до такой степени от злости их стиснул. Плюнул на всё и помчался в аэропорт. В аккурат успел на нужный мне рейс и уже утром был дома.

Образ Мирославы Зайцевой, дочери человека, который в один день превратил нашу жизнь в сущий ад, рисовался мне не особо-то привлекательным.

Некая хабалка, с повадками гопника. Неопрятная, грязная, прилипучая. Сейчас наверняка пока спит Агата, шарит по комнатам в надежде пожить чем-нибудь ценным.

Я понимал, это всё бред, и наверняка всё не до такой степени страшно, но никак не получалось отделаться от этих мыслей. И вот это нечто, сейчас находилось рядом с моей

чистой племяшкой.

Переступив порог собственного дома, первое что подметил, не только атмосфера изменилась в нём, запах стал другим. Едва уловимые нотки цветочных духов. Или не духов. Что-то очень приятное, тёплое, что ли?!

В общем, хуйня какая-то.

Домработница, что вышла ко мне навстречу, сообщила о том, что «девочки проспали, но уже спешат поскорее собраться в институт».

По тому как Сара говорила, я уже понял — девчонка не совсем такая, какой я нарисовал её в своём воображении.

Домработница у меня со стажем, работает на нас около восьми лет, и я знаю как она говорит, когда кто-то из гостей ей не нравится. Например, Линда. Иногда я привожу её на ночь, и Сара с ней всегда почтительна, вежлива, невероятно сдержанна. Настолько, что аж зубы скрежет порой. Тогда я бросаю на домработницу упреждающие взгляды.

Сейчас же Сара совершенно ровным, ничем не выделяющим тоном говорит о том, что девочки проспали. — Девочки, а не Агата и её гостья.

Окей, посмотрим, что за гостья. Кивком головы показал Саре, что она может быть свободна, и поворачиваю голову в сторону лестницы.

Какого хрена, спрашивается?

Первая мысль была, — мои спецы напутали чего-то. Ну а как ещё объяснить то, что вместо кривоногой прыщавой

уродки, навстречу мне спускается фарфоровая кукла, причём ни хрена не сделанная. Даже полные, ярко-розовые, аккуратные губы, и те свои!

Пиздец, блядь! Их, оказывается, отличать от силиконовых вообще несложно.

Едва преодолев последние ступеньки, девчонка наконец замечает меня.

Снимаю пиджак, кладу на спинку дивана. Душно.

Растерянный взгляд больших, едва ли не на пол лица глаз смотрят на меня. Ухмыляюсь и в своей привычно неспешной манере подхожу чуть ближе. Хер знает зачем, но хочу рассмотреть поближе дочь твари, что уже давно заживо сгнить должен был, но всё равно какого-то хуя ещё дышит.

— Здравствуйте! — ух, воспитанные мы какие, — подмечаю я не без сарказма. Хлопая густыми, длинными ресницами, девушка краснеет.

Чистая девочка, зуб даю, ещё целка! На лбу у цыплёнка так прям и написано...

Чистая кожа, без единого изъяна. Маленькая, но довольно выразительная родинка на щеке. Нервно языком проводит по уголку верхней губы и тут же прикусывает нижнюю.

Да, мать твою! Этого мне только не хватало.

Делаю медленный, глубокий вдох, не помогает. Ещё и глаза опустились на упругую девичью грудь уверенного третьего размера. На хрупкой фигурке смотрится она нихера как шикарно.

Хуй в один момент колом встал и больно сейчас в ширинку мне впивается. Ну твою ж нахуй, блядь!

Злюсь. Девчонка не замечает этого, но я очень зол, только вот не пойму на себя, за то что при виде смазливой мордашки мой член колом встал, или на неё, за то, что не оказалась жабой в резиновых калошах?!

— Что тебе нужно от моей племянницы? — задаю вопрос, изо всех сил стараясь не утонуть в глубине этих карих глаз.

— В каком смысле? — да ну нахер, блядь, серьёзно? Нет, милая. Ты либо актриса, каких поискать, либо... да без либо! Тоже мне, нашлась скромница. — Мы учимся вместе и дружим. — ух ты...

— Дочь уголовника учится на юридическом? Очень интересно! — девчонка моментально бледнеет. Глазки забегали — Узнала. И я в этот самый момент узнал, вернее, вспомнил. Маленькая, забитая, сидящая в угол старенького дивана, девчушка. Бледная как сама смерть, и зарёванная вся. Я сам тогда, считай пацаном был.

— Это был несчастный случай, — с трудом удаётся слышать старую песню семьи Зайцевых. Весь судебный процесс, едва ли не наперебой, — несчастный случай. Понять и простить. — Ага, сейчас же. Вот так взять и простить смерть двух малышей, просто потому, что твой папаша был бухой как свинота паршивая, и не заметил их.

— Сегодня же найдёшь предлог и свалишь из моего дома! — вздрагивает от тембра моего голоса. — И не смей ничего

говорить Агате!

12 Глава

Всё к херам пошло по пизде! Я стараюсь полностью погрузиться в дела, уйти в поглощения сторонних фирм с головой, но, блядь, эта самая голова какого-то хуя занята одной, очень охуительно шикарной особой, что выплясывает сейчас на танцполе. Вертит задом так искусно, будто рождена для этого. Изгибы её тела сносят крышу напрочь.

Заказываю крепкий алкоголь, потом ещё и ещё — не берёт, сука!

Бля, ну почему именно она? С мыслями об этой девочке я засыпаю, и с ними же просыпаюсь.

Линда уже практически каждую ночь со мной. Старается как может, заглатывает мой далеко не маленький член по самые яйца, а я думаю о другой в этот момент.

Женщина, с которой я уже на протяжении полугода периодически трахаюсь — дочь влиятельного человека. С ним больше Артур пересекается, не я, но мне интересна его дочь не поэтому.

Достаточно умелая женщина. Знает, как удержать мужика за яйца.

Если не справляется упругим стройным телом и тугой киской, которую она явно время от времени подтягивает при помощи пластики, то высосет ртом всё до последней капли.

Вчера я впервые отказался от неё. Тупо не захотел, и всё.

Я уже как параноик искать ходы начал, как вытравить Зайцеву из своей головы, но пока что хуйня получается.

Не в моих правилах ныть и жаловаться, но буквально вчера вечером набрал брату, рассказал всё как на духу и предложил бредовый план, как ударить по нервам Сергея Зайцева, которого в последнее время сильно что-то оберегать стали.

Наиболее значимый вес за Артуром, конечно, но если объявить войну, по нам с Агатой может отприкошетить, и достаточно серьёзно.

Мне-то наплевать, само собой. Но куда бы мы ни спрятали Агату, её найдут рано или поздно. Ну или нас с Артуром, если всё-таки хлопнут, а это вполне возможно, Агата, она не выживет без нас. Вот буквально несколько недель как, опять замкнулась в себе, компанию сменила почти полностью.

Рад ли я этому? Да хуй знает! Нет. Скорее нет, потому что не доверяю этой Дашковой, как я понял, новой подружке моей племянницы.

Её папаша — хитрожопая тварь, ищущая всегда и везде свою выгоду. В целом понятно. В мире, где крутятся огромные бабки, по-другому просто нельзя, но везде есть границы, которые необходимо соблюдать, иначе рано или поздно найдётся тот, кому это слишком сильно не понравится, и огромная вероятность того, что в этом случае тебя сокрушат.

Агата сейчас дружит как раз таки с Камилой. Дочерью Дашкова. Не знаю, в отца она или нет, но мне крайне не нравится. Что-то очень сильно смущает в ней.

— Приведи мне её, Руслан! — сказал брат, когда я о дочери Зайцева ему рассказал. — Хочу посмотреть на создание, которое мозги тебе отравила.

— Ты согласен на мой план?

— Просто приведи её. Любопытно.

Я сам пока не понимаю, что происходит. Себя не узнаю, и от этого злюсь на девчонку, хотя и понимаю, её вины ни в чём нет. Головой понимаю, душой на части порвать готов.

Брат человек рассудительный. Крайне редко делает что-то наспех. Всегда обдумывает решения и смотрит на несколько шагов вперёд. Меня часто тормозит, если я начинаю лезть на рожон.

— Хорошо.

— Ну чего напряжённый такой? — молчу, признаться стыдно, но брат как облупленного меня знает. — Мы посмотрим на неё сначала. Нужно понять, насколько она может быть опасна. В первую очередь для Агаты.

— В том-то и дело, со стороны выглядело всё так, что действительно дружат. Я общался кое с кем из их группы. Никто из них не заметил ничего подозрительного. Вообще странно, брат, на эту самую Зайцеву пиздец какая положительная характеристика. Учится на отлично. Рассудительная, достаточно общительная. Работает в кофейне Симоны уже полтора года и без нареканий.

— Симона Браун, которая? Та, у которой уже сеть по городу?

— Да, она.

— Не трогай пока девчонку. Давай ещё понаблюдаем, и на следующей неделе я вас жду.

Сегодня заключил очередную удачную сделку, но в клуб попёрся не отмечать. Просто отвлечься захотелось. Решил, раз на Линду не привстал, стоит найти свежую плоть, а тут на тебе — сюрприз.

Выхватил Мирославу взглядом из целой толпы почти ментально, и вот уже на протяжении целого вечера, куда бы она ни переместилась, везде нахожу её. Просто с ходу, и это притом, что одета она не особо примечательно. Коктейльное платье, как и у многих, не слишком короткое, но всё же стройные ноги выглядят потрясно. Аппетитная грудь скрыта под тонким кружевом. Дешёвое платье, но на ней смотрится дорого.

Опрокидываю в себя ещё один стакан коньяка и выдвигаюсь в сторону танцпола.

Парни то и дело трутся вокруг Мирославы, пристраиваются рядом, но тут она не одна. С ней какой-то полуоблезлый перец. Старательно делает вид, что представляет из себя что-то, но на лбу написано — задрот! В принципе, вряд ли это видит Зайцева. На лицо смазливый парень, а девушки таких любят.

Судя по взгляду, который на меня бросил парень в момент моего приближения, он знает меня, и достаточно хорошо. Ухмыляюсь, когда вижу, он делает шаг назад, хотя и по-

нимает, я пришёл за его девушкой.

Не уверен, поняла ли это Зайцева. Бросив на меня испуганный взгляд, она посмотрела на парня и попыталась вырвать локоть из моего захвата, но куда ей.

Всё как в замедленной съёмке, и в то же время урывками. Я не чувствую сопротивлений девчонки, но вижу, как она трепыхается.

Глупая! Она же только заводит меня этим.

13 Глава

Месяц был просто мегапозитивным.

Во-первых, помимо того, что в конверте была действительно приличная сумма, мне на работе ещё и премию выписали. Вроде как Калинин где-то в знатных кругах похвалил нашу кофейню, и Симона Генриховна на радостях прямо-таки расщедрилась.

Несколько дней, пока до конца проветривалась моя комната, я провела у нашей старосты, Екатерины. Её родители, геологи, уехали в очередную экспедицию, и мы с ней, как истинные заучки, углубились с головой в подготовку к сессии и, как результат, сдали её на отлично.

Горечь о том, что мы с Агатой больше не общаемся, пока что не отпускает. Может быть, потому, что я вижу, как сильно она сожалеет о том, что наговорила мне? Только вот попросить прощения ей, видимо, гордыня не позволяет. Да я и не уверена, что мне нужны её извинения.

На самом деле, положила руку на сердце, я даже не заметила, как привязалась к ней, но в то же время сейчас я только ещё больше убедилась в том, что «Гусь свинье не товарищ», и как бы это ни звучало со стороны, мораль совершенно верна!

К счастью, учёба и налаживание собственного быта всё же меня отвлекали.

Комнату в коммуналке, которую мне сдала наша историч-

ка, мне удалось привести в порядок. Спасибо соседям, конечно же. У Нины и Михаила Кох после ремонта остались обои, краска и штукатурка. Михаил Михайлович даже помог мне выровнять стены и поклеить обои — пусть на каждой стене у меня обои с разным рисунком, но смотрится всё равно хорошо, чисто и уютно.

А ещё мне крупно подфартило с мебелью. В доме напротив был магазин, который не то разорился, не то объявил себя банкротом, в общем, я сильно не углублялась, главное, что успела урвать по дешёвке себе диван, прикроватную тумбу и комод, а письменный стол мне достался от Лизы — старшей дочери Нины и Михаила. Она в этом году окончила школу и поступила учиться в другой город.

Второй курс окончен, и у нас перерыв в учёбе почти два месяца.

Лето, начало отпусков, а это значит, что я начала брать подработки, и у меня снова появились деньги. Конечно, следовало ещё кое-что прикупить, например, посуду, а то у меня одна кастрюля на все случаи жизни и пластиковая тарелка, но я всё равно решила повременить, потому как лето летом, но что-то выдалось оно прохладным, и мне следовало всё же приодеться. К тому же на осень всё разом покупать слишком накладно выйдет, а так потихоньку, кажется, и ничего.

Вообще, хлопот было масса, но вместе с тем настроение с каждым днём взлетало только вверх, и мне безумно хотелось петь и танцевать, поэтому, когда Костя предложил сходить с

ним в ночной клуб, я сразу же согласилась. Ну а что? Парень он высокий, спортивный, если будет рядом, то никто приставать ко мне не станет. — Ага, как же! Наивная идиотка.

Я ещё и не поскупилась, купила себе обалденное коктейльное платье с кружевом, которое супер идеально подчёркивало мою фигуру, и несмотря на то, что за счёт прозрачных тонких узоров руки, ключицы и значительная часть груди были видны, платье не было пошлым.

Хотя, возможно, это только мне так казалось. Ко мне то и дело во время даже самых ритмичных танцев пристраивались молодые люди. Пару раз на вид даже очень молодые, хотя я и понимаю, что в клуб могут попасть только совершеннолетние.

Морозов отлично справлялся с ролью телохранителя. Как только ко мне приближался кто-то из парней, Костя тут же оттеснял его, чтобы я без стеснения могла двигаться в танце.

— Я слышал, и не раз, что ты хорошо танцуешь, но чтобы настолько!... — улыбаюсь Косте.

— Спасибо! — благодарю за комплимент, сильно напрягая голос, чтобы перекрыть музыку.

— Училась где-то?!

— Нет! Просто с детства очень люблю танцевать!

— Ясно!

Морозов смотрит поверх моей головы и замирает. Я не сразу поняла, что произошло, поздновато спохватилась. Только когда Костя испуганно, мельком на меня посмотрел

и сделал шаг назад, я повернула голову и впала в ступор.

Руслана Акиева несмотря на мерцающие блики светомузыка я узнала сразу. Высокий, с чуть отросшей щетиной, он выглядел зловеще, устрашающе. Сейчас он был одет в брендовую белую футболку и джинсы. И стоило ему подойти ко мне вплотную, как дурманивший запах хвои и цитрусов ударил мне в ноздри.

Я понять ничего не успела. Сильный захват за локоть, и вот я уже против своей воли, едва ли не галопом бегу через весь танцпол, периодически сталкиваясь с танцующими людьми.

— Пусти! — кричу, но вряд ли он слышит меня сквозь громкую музыку. Дёргаюсь изо всех сил, хочу вырваться из захвата, только сопротивления моего Акиев не замечает.

Пара ступенек вниз, и меня тащат куда-то влево. Узкий коридор с чуть тускловатым освещением и поворот направо. Вроде как тут VIP-комнаты для особых гостей, насколько я слышала.

Я не ошиблась. Так и есть. Руслан заходит первым и резким рывком тянет меня на себя.

Мы не проходим вглубь комнаты, считай, что у самой двери Акиев пригвозждает меня к стене, одной своей массивной ладонью он сцепляет сразу обе мои руки над головой, второй жёстко хватает за шею и подбородок, приподняв мою голову, фиксирует и впивается в мои губы своими.

Я непременно бы задохнулась, подавилась воздухом, если

бы могла сделать хотя бы вдох, но Кай не дал мне такой возможности.

Он клеймил меня, обжигал словно раскалённым железом. Боль.

Очень больно, ведь он не щадит. С огромным трудом удаётся отмереть, вострепнуться и издать стон сопротивления. Мне так страшно, что мышцы сковало дичайшим напряжением, и в какой-то момент мне показалось, я умру. Если он сейчас не прекратит, я точно умру!

Он не прекратил, не сделал больше физически, но обнял, отпустил мои руки, которыми я тут же упёрлась в его грудь, попыталась оттолкнуть.

Кай обнимал очень крепко, но при этом — чёрт бы его подрал — бережно. Губы тоже перестало печь. Руслан сейчас зацеловывал их неуловимо и трепетно, словно желая всё исправить. Наверно, в этом положении как минимум я вернуться могла, но ещё сильнее в ступор впала.

С каждым мгновением боль угасала, а его напор, напротив, снова набирал обороты, с той лишь разницей, что на этот раз мужчина не причинял боли.

Наконец ко мне вернулось самообладание, я снова затрепыхалась, стала изо всех сил бить кулаками по груди Кая, пыталась укусить его, но, кажется, делала только хуже.

Мужчину это только ещё больше распалило, потому как он изрёк звериный рык, который точно не предвещал ничего хорошего.

Боже.

— А-а-а! — Громко вскрикиваю, когда послышался треск ткани. Руслан так легко и ловко разорвал ворот моего платья до самой груди, что я опомниться не успела.

Подхватив меня за бёдра, резким движением, будто бы во мне и веса нет, Руслан поднимает меня над полом, и тут же разведя мои ноги в стороны, впечатался пахом меж них.

Перехватив мои бёдра поудобнее, мужчина всё так же не прилагая усилий поднимает меня ещё выше и от дальнейших его действий, я в буквальном смысле едва не задохнулась.

Губы мужчины впились в мою грудь. Казалось бы, а чего я ждала после того, как он рвать на мне вещи начал? Да чего угодно, только не того, что моё тело моментально отреагирует на это разрядами тока, которые в считанные мгновения вызовут будоражающие спазмы внизу живота.

Нет-нет-нет! Я не должна ничего подобного чувствовать...

Едва уловимые покалывания растеклись по всему телу, от кончиков пальцев на ногах до самой макушки. Я ничего подобного раньше никогда не испытывала и эти ощущения сейчас пугали меня.

Кай как скала огромный. Я против него букашка, и моих сопротивлений он даже не чувствует.

Его дыхание глубокое, тяжёлое. Он хотел большего, я точно это осознавала, и в момент, когда мне показалось, он вот-вот разорвёт мои трусики и уже ничего ему не помешает,

Акиев с рычанием дикого зверя оторвал меня от себя и практически швырнул мою тушку на мягкий угловой диванчик, что стоял у стола.

Не понимая ровным счётом ничего, я жадно хватала ртом воздух.

Только не реветь, только не реветь! — сама себе давала установку.

Эта мерзость...

Нет уж. Он не увидит моих слёз. Я не покажу ему своей слабости.

Ублюдок. Он отыгрывается на мне. Хочет отомстить? Как же низко, как трусливо, не по-мужски.

Меня била крупная дрожь. Поджав под себя ноги, я сильно сутулилась, пыталась хоть как-то прикрыть обнажённую грудь лоскутами разорванного платья.

Кай стоял в метрах трёх от меня.

У мужчины никак не получалось подкурить сигарету, у него дрожали руки.

Через какое-то не слишком продолжительное время мужчина наконец сумел совладать с эмоциями и, сделав первую глубокую затяжку, Руслан перевёл на меня взгляд.

Я не смотрела на него, но почему-то видела абсолютно всё, что происходило в этой комнате.

Я видела, как Акиев, сделав шаг в сторону, снял с плечиков пиджак и, подойдя ко мне, набросил его на мои плечи.

Чувство отторжения — вот что я испытала в этот момент!

Мне невыносимо сильно захотелось скинуть с себя его вещь, но в то же время я понимала, что выйти в таком вот виде отсюда я не смогу.

Не знаю, сколько прошло времени, но достаточно, чтобы я окончательно смогла прийти в себя. Моё тело всё ещё время от времени подрагивало, но разум уже прояснился.

— Чтобы я тебя больше с этим парнем не видел! — в голосе сплошной металл. Это точно не просьба, но спрашивается — чего ради-то? Мне бы задать этот вопрос, но я растерялась, и единственное, что вылетает из моего рта, — это неясный даже мне самой звук. — Можешь ухмыляться сколько хочешь, Цыпуша.

— Цыпуша? — едва не давлюсь воздухом.

— Можешь, конечно, разок попробовать меня послушаться. Но я бы не советовал.

— И что ты мне сделаешь? — голос дрожит, но надеюсь он этого не слышит.

Утопая в пиджаке Акиева, скрещиваю на груди руки и, нисколько не смущаясь, смотрю в глаза наглеца, который, очевидно, решил, что мною можно манипулировать.

— Тебе? Ничего, — то, каким тоном, а главное, с какой ухмылкой на лице произнёс это Руслан... мне самой что-то не очень хочется теперь язвить.

— Костя — мой парень! — по слогам чеканю я.

— Уже бывший парень. Сегодня же поставишь его в известность, или это сделаю я.

— Какое ты имеешь право вмешиваться в мою жизнь? — сделав шумный выдох, сквозь зубы цежу я. Внутренний протест выкручивает нервы. Я готова когтями в глаза вцепиться этому надменному мудаку.

— Идём. Выведу тебя через чёрный ход. Мой водитель отвезёт тебя домой.

Согласиться — значит пойти на поводу. Но разве у меня есть выбор?

Я не могу в таком виде предстать перед Костей. Как в глаза ему посмотрю, как объясню всё это?

14 Глава

Руслан вывел меня через запасной выход и посадил в чёрный "мерседес".

Я в тот момент практически ничего не ощущала, словно меня опустошили. Судя по тону, водитель уже не первый и даже не второй раз окликнул меня.

— А?

— По какому вас адресу везти? — Я назвала ему район, улицу и номер дома. Потом ещё подъезд и номер квартиры зачем-то. Была потерянной, но водитель, кажется, внимания на меня особого не обращал.

Ехали мы очень долго, и в то же время я не заметила, как очутилась дома.

Я была явно не в себе. Передвигалась как-то странно. Даже не заметила, как очутилась в ванной, и именно там я наконец пришла в себя. Я словно очнулась, вышла из некой протрации, и то благодаря тому, что на меня из бойлера полилась уже совсем ледяная вода.

Обхватив колени руками, я дрожала от холода, но всё равно не желала выбираться из-под воды.

Стуча зубами, я вспоминала то, что произошло со мной в клубе.

Руслан Акиев. Такой взрослый, такой опасный, и это видно просто даже внешне.

Я так дерзко отвечала ему. Прямым взглядом в глаза смотреть не боялась. Как вообще возможно такое?

Его бездушный взгляд внушает ужас. Его мощное, проработанное тело могло по той самой стенке, к которой он прижимал меня, просто размазать. Его сильные руки, которыми он сначала грубо, потом едва ли не бережно обнимал. А ведь мог с лёгкостью прихлопнуть меня.

Акиев был пьян. Может, и вовсе Руслан меня перепутал с кем-то?

Да нет!

Руслан явно не до такой степени был пьяным. От него пахло алкоголем и дорогими сигаретами, но запах не вызывал у меня отвращения, напротив, дурманил, заставлял потерять голову.

Он целовал меня...

Зачем?

Я же так отчётливо видела ненависть в его взгляде. Ненависть, презрение, злость.

Откуда во мне столько смелости, столько дерзости было — откуда?

Я двинулась, не иначе.

От собственных размышлений мне становится нехорошо. Мышка рычала на льва. С вызовом смотрела, усмехалась — Дура!

А если бы он ответил? Если бы посчитал мой выпад, к

тому же не один, за оскорбление?

Он же махом руки голову с плеч снести мне мог.

“Вспышка”

Мы с Костей подходим к барной стойке, он заказывает нам по коктейлю. Я прошу безалкогольный, — Костя едва заметно морщит нос.

Я отворачиваюсь на какое-то время, смотрю в сторону танцпола, на танцующих людей. Повернувшись, улавливаю как Морозов, всего на мгновение над моим бокалом руку задержал — показалось. — Подумала я.

Потом музыка и танцы.

Ритмы музыки управляли мной, качали на своих волнах. Костя несколько раз подходил непозволительно близко. Немного более откровенней. Чем следовало бы. Он касался едва ли не каждого изгиба моего тела. Он задевал грудь, попу.

Я не чувствовала никакого возбуждения. Ничего, кроме лёгкости. Но не это меня насторожило сейчас. Я не была против. Я позволила. Да, отошла в сторону, но даже замечание ему не сделала. Напротив, искренне улыбнулась парню.

Это воспоминание заставляет меня уже окончательно прийти в себя.

Выключив воду, встаю на непослушные ноги, что так и норовят снова подогнуться, но я справляюсь. Выпрямившись, тянусь за полотенцем. Укутываюсь в него, выбираюсь из ванной, ногами становлюсь на мягкий коврик.

Соседи уже давно спят. Стараясь сильно не шуметь. Тихо, тихо, на цыпочках, чтобы никого не разбудить, пробираюсь к своей комнате.

Несмотря на то, что время уже довольно позднее, тридцать ночи, я набираю номер Морозова. К тому же у меня куча пропущенных от него.

— Мирка, слава богу ты...

— Что ты подсыпал мне в бокал?! — перебиваю парня резким вопросом.

— Мир, успокойся...

— Я спокойна! — рычу сквозь сомкнутые зубы. Я сейчас очень спокойна, настолько, что если бы Костя рядом был, не просто бы морду ему расцарапала, хребет бы перегрызла.

— Это «Лаприка»

— Что? — я с дивана чуть не свалилась. Пришлось встать и сесть поудобнее. — Что за «Лаприка»? Какого хрена, Костя? Ты мне наркоту подсунул?

— Ты ебанулась, что ли? Какую ещё наркоту? Этот препарат вызывает лёгкую эйфорию, и не более. Ну если с дозой не переборщить.

— С дозой всё-таки, — ловлю эту сволочь на слове.

— Остынь, детка, — ярость бушует во мне настолько сильно, что у меня голова идёт кругом. Я не сразу нашла, что ответить на его «детка». — Ты же в последнее время как белка в колесе. Напряжённая, дёрганая. Я хотел, чтобы ты отдохнула. Расслабилась. От алкоголя ты отказалась, вот я и

решил...

— Решил, значит. А что, если бы я после всё же выпила алкоголь?

— Я бы не дал тебе. Я знаю о последствиях.

— Какой же ты кретин, Морозов.

— Хорошо. Согласен. Я кретин, придурок дебил! Мира, давай не будем с тобой ругаться. Лучше скажи, что тебе Кай сделал? — от упоминания про Акиева, по коже снова пронёсся озноб. — Я волновался за тебя.

Я была в жуткой растерянности. Костя только что признался мне в том, что подсыпал мне запрещённый препарат, и судя по тому, как он спокойно съехал с темы, он действительно не видит в этом ничего особенного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.